18+

Сергей Распопов
Игорь Фатхуллин

Ещё не вечер

Рассказы. Новеллы. Повести

Сергей Распопов

Ещё не вечер. Рассказы. Новеллы. Повести

«Издательские решения»

Распопов С.

Ещё не вечер. Рассказы. Новеллы. Повести / С. Распопов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-858951-5

Уважаемый читатель!Предлагаемая книга, смеем надеяться, Вас заинтересует. Она написана двумя неизвестными авторами из города Подольска. Что же нас заставило взяться за перо и написать эту книгу? Накопленный жизненный опыт и большая любовь к слову, к литературе и детективному жанру.
Перед вами книга «Еще не вечер…». Эта книга — дебют уже немолодых людей. Обоим авторам за пятьдесят. Вам судить, читатель, что вышло у нас! Получился ли занимательный детектив…С. Распопов, сентябрь 2017 Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-858951-5

© Распопов С.
© Издательские решения

Содержание

Рассказы 7
Врата рая1 7
Дело №…2 16
Жизнь кувырком3 33
Зигзаги удачи4 40
Ночь после воскресения5 53
«Святой день»6 59
Тихий омут7 66
Конец ознакомительного фрагмента. 72

Ещё не вечер
Рассказы. Новеллы. Повести

Сергей Распопов
Игорь Фатхуллин

© Сергей Распопов, 2017
© Игорь Фатхуллин, 2017

ISBN 978-5-4485-8951-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сергей Распопов

Сергей Распопов

Рассказы

Врата рая[1]
(детективный рассказ)

Игорь Фатхуллин
Сергей Распопов

Арик Цубланицкий включил сигнал поворота. «Мерседес», нагло подрезая «Восьмерку», стремительно перестроился в крайний правый ряд.

Престижный автомобиль, совершив «бабочку», съехал с кольцевой автодороги и неспеша покатил в сторону центра Москвы. На следующем перекрестке Арик, свернув направо, проехал еще несколько домов и строений окраины города и попал на территорию промзоны, безлюдной в субботний день.

Попетляв еще полтора километра, шикарное авто уперлось никелированным бампером в синие, окаймленные золоченными шарами ворота.

«Фирма „Врата Рая“ изготовит для ваших родных и близких памятники и надгробия из ценных природных материалов по вашему индивидуальному заказу», так гласила красочная рекламная вывеска на здании проходной.

Едва Арик подрулил к воротам, они сразу же разъехались в разные стороны, приглашая очередного клиента. Внутренний дворик фирмы был обделан с большим вкусом искусственным материалом под черный мрамор. Это очень располагало клиентов средней руки обращаться именно сюда, потому что они надеялись найти тут полный сервис ритуальных услуг и одновременно обрести душевное равновесие после потери дорогого человека.

Арик вошел в холл. Ему навстречу вышла из-за круглого стола симпатичная длинноногая брюнетка в строгом платье-костюме с черной розой в золотой петлице, означающей печаль.

– Вы приехали к нам по причине постигщей вас непоправимой потери, – сразу выпалила она дежурную фразу, не давая ему раскрыть рта. – Наша фирма выражает вам свои искренние соболезнования. Мы готовы оказать вам свою посильную помощь, чтобы смягчить вашу скорбь и утрату.

– Я был в вашей фирме две недели назад и заказал памятник на могилу любимой жены. В прошлую субботу исполнилось три месяца со дня ее гибели в автокатастрофе, – при этих словах у Цубланицкого на глазах навернулись слезы. – Сегодня утром я созвонился с директором фирмы и узнал, что памятник готов и его можно забрать в половине двенадцатого. – Он посмотрел на свои дорогие швейцарские часы. – О, уже одиннадцать тридцать пять. Договор с фирмой я заключил, оплату произвел. Вот мой платежный документ из банка. Как я могу получить свой заказ?

– Пойдемте со мной, – ответила она, увлекая его в демонстрационный зал. – Директор сейчас к вам выйдет. Располагайтесь, – указала она на кожаное кресло.

В просторном зале было тихо и уютно. Мягкий свет люминесцентных ламп эффектно освещал готовые памятники с мадригальными надписями и барельефными изображениями усопших, а также необработанные заготовки из мрамора и гранита. Возле стен стояли два больших аквариума с экзотическими рыбками и множество кадок с пальмами и комнатными цве-

[1] Рассказ впервые был опубликован в областной информационной газете «Ваш Шанс». Главный редактор издания Золотоверхова Елена Николаевна.

тами. В дальнем углу зала, как ни странно, красовалась двухметровая вышка и небольшой бассейн с бордюром из серого мрамора. Обстановка отвлекала от грустных мыслей и одновременно успокаивала клиента. Было видно, что все это устроено с хорошим вкусом, не без помощи опытного психолога. Зала, как было заметно, имела многофункциональное назначение: для работы с клиентами и для отдыха служащих фирмы. Справа от бассейна Арик заметил боковую обитую вагонкой дверь, ведущую, очевидно, в сауну.

«Неплохо устроились, – подумал он, закуривая сигарету. – Ритуальный бизнес самый перспективный и прибыльный. От заказчиков в этом деле отбоя никогда не будет. Люди всегда будут рождаться и всегда умирать. Да и сейчас у них дела идут в гору. Директор не дурак. Он широко развернулся. Очень предприимчивый человек. На служебной автостоянке, забитой иномарками, на которой я оставил свой „Мерседес“ под присмотром бдительного Цербера, я не заметил ни одной отечественной машины. Из чего следует вывод – люди, которые здесь работают, далеко не бедные».

Неожиданно Арик почувствовал, что в зале он не один. Через секунду перед ним предстал директор, мужчина средних лет, и приветственно протянул руку. Он был смуглый, приземистый, широкоплечий, с орлиным носом и острым подбородком. Арик вежливо встал из кресла.

– Извините, что заставил вас несколько минут подождать. Я понимаю, что вам назначено на это время. Просто я был занят с рабочими.

– Я, как и было обговорено между нами, оплатил заказ. Вот взгляните на платежный документ, – сказал Арик и полез во внутренний карман пиджака.

Шкафообразный с бульдожьей мордой телохранитель из-за спины своего шефа пробуравил Арика пытливым взглядом.

– Вот памятник для вашей супруги. Все мы ходим под Богом. Примите мои соболезнования. Мадригальная надпись в полном соответствии с вашим образцом. Только гранит не серого, а голубого цвета. Поступлений серого в мастерскую длительное время не предвидится. Подводят поставщики. Этот вопрос мы с вами решили по телефону. И еще красная гранитная ваза.

Господин Цубланицкий остался доволен исполненной работой. Вежливый директор ему импонировал. В считанные минуты заказ был упакован и аккуратно поставлен на грузовик. Когда Арик собрался покинуть офис фирмы, в зал, ссутулив плечи, семенящей походкой вошел полный господин лет сорока. Он был чем-то сильно напуган. Два бравых молодца придерживали его под руки.

– Ну как ты, дружок, еще не надумал? – ехидно спросил его директор. – Ты все еще полагаешь, что я с тобой шучу? Ты глубоко заблуждаешься. Ты не выйдешь отсюда живым, пока не подпишешь все бумаги. И не надейся.

– Я… я не стану ничего подписывать. Вы не имеете права. Это шантаж. Я буду жаловаться, – залепетал дрожащим голосом мужчина.

– Ну, ну, не будь бабой. Не распускай нюни. Ты ничего не теряешь, а только выигрываешь. Потому что нет ничего дороже для тебя твоей мерзкой жизни. Я честный коммерсант. Я получаю твой «Сааб», а ты взамен свою жизнь плюс приличные бабки, и уходишь отсюда пешком на своих двоих, без единой царапины.

– Нет! Никогда, никогда не будет по-твоему! – завизжал толстяк.

– Я вижу ты совсем ополоумел от жадности и ты мне порядком надоел. Что ж, будь потвоему. До встречи в Раю! – усмехнулся директор и повелительно взглянул на своего телохранителя.

«Бульдог», как будто сорвался с цепи, кинулся к толстяку, обхватил его за ноги, перевернул вниз головой и хладнокровно потащил к бассейну.

– Не надо, оставьте меня, я не хочу! – отчаянно закричал тщетно пытающийся вырваться толстяк и вцепился зубами в ногу своего палача. Тот, взбрыкнув ногой от боли, злобно выругался и еще крепче сжал свою жертву. Гибель последнего была неизбежна.

Окунувшись с головой по пояс в голубую воду бассейна, несчастная жертва стала отчаянно бороться за жизнь, дрыгая ногами и пуская пузыри. Вскоре она затихла и безжизненно повисла в руках «бульдога».

– Кажется готов, – злобно оскалился он, привязывая захлебнувшегося за щиколотки и подвешивая к вышке. Верхняя часть туловища толстяка по-прежнему оставалась в воде. Убийца знал свое дело и страховался. – Теперь не воскреснет, с того света обратной дороги нет, – усмехнулся он.

– Так я поступаю с каждым несговорчивым клиентом, – спокойно объяснил Арику директор, ласково опуская руку ему на колено. – Смерть, мой друг, очень неприятная штука. Это, я бы сказал, такое состояние, при котором в конечном счете вы окажетесь одновременно везде и нигде конкретно, потому что ваш прах разнесет по всем уголкам земного шара. Вы будете даже подняты теплыми воздушными потоками под самые облака. И станете стремительно лететь вниз на Землю, увлекаемый первыми каплями дождя. А это очень страшно и, наверно, больно падать. Вы словно ощутите себя участником десантно-штурмовых учений, когда у вас заклинит парашют…

Недоуменный взгляд Цубланицкого на секунду прервал философские рассуждения директора. Тот кашлянул и продолжил, глядя в сторону жертвы:

– А зря он отказывался. Жизнь так прекрасна, когда у тебя имеются деньжата. Что для него какой-то автомобиль? Тьфу. Через каких-то полгода он бы ездил на новом, не хуже. Если вы окажетесь строптивым, вас ждет такая же незавидная участь. Без права на помилование.

– Меня? Но за что? Что я вам сделал такого? – с испугом и удивлением воскликнул Цубланицкий.

– Понимаете, любезный, речь идет о большой сделке.

– О какой? Я же заказывал памятник и заплатил за него сполна по договору.

– Свой памятник вы непременно получите уже сегодня, его доставят на кладбище и установят там бесплатно. Не волнуйтесь по пустякам.

– Тогда о чем же речь? Я думал, что это, – дрожащей рукой он указал в сторону подвешенного утопленника, – с ним сделали из-за отказа оплатить выполненный заказ.

– Не-ет. Вы ошибаетесь.

– Тогда в чем провинился перед вами этот несчастный?

– Вот мы и подошли к сути дела, – улыбнулся директор. – Говоря откровенно, я очень неравнодушен к хорошим машинам. А денег на это постоянно не хватает. И я готов предложить свою дружбу и помощь тем, кто идет мне навстречу. Ваше шикарное авто мне очень понравилось. И вы сильно меня огорчите, если сей же час не уступите его мне за… за, скажем, 50 процентов его реальной стоимости.

– Ну знаете! – услышав такое грабительское предложение, не на шутку возмутился Арик и внезапно осекся. Этого ему не следовало произносить.

Бульдогообразный верзила молча подошел к нему, обхватил лапами гориллы, перевернул вниз головой и хладнокровно понес к бассейну.

– Помогите! – закричал Арик во всю силу своих легких, понимая безвыходность и нелепость своего положения оказаться одному среди алчных негодяев. Ситуация не из приятных. Но через секунду он снова стоял на ногах, потому что по знаку директора «бульдог» его отпустил.

– Вот видите, Арнольд Викторович, как вам нужна моя дружба, – лукаво заметил директор. – Этот идиот слушает и понимает только меня. Он видит во мне своего отца и кормильца. Так оно и есть на самом деле. Я его подобрал на улице и вырастил с трехлетнего возраста.

Теперь этот удав всецело подчиняется мне из благодарности, а еще потому что без меня он просто пропадет. Он ничто. Он за свою жизнь из обычного озорства отправил на тот свет такое количество людей, сколько вы, дорогой, не съели аппетитных гамбургеров. Вот именно по этой причине я и предлагаю вам свою крепкую мужскую дружбу. По существу мы с вами не разлей вода. Вы не можете обойтись без меня, а я без вас. Ну так что, вы согласны, по рукам? – спросил директор, протягивая холеную белую руку с длинными пальцами и аккуратным маникюром.

Утопающий хватается за соломинку. У Арика не было иного выбора, и он сдавленно произнес:

– Да, я согласен. Ваша взяла.

После рукопожатия двух новоявленных друзей директор, по-приятельски положив руку на плечо Арика, увлек его в сторону бассейна, предлагая рюмочку коньяка.

– А зачем… зачем вы меня туда ведете? – панически вытаращив от ужаса глаза, уперся Арик. – Дальше я не сделаю ни шагу.

– Расслабьтесь, дорогой мой. Вам нечего теперь бояться. Я не собираюсь вас мочить э-э…, в смысле мочить в этой холодной купели, – поправился директор. – Ведь вы теперь мой закадычный друг. Не так ли?

– Да, да… – дрожащим голосом пролепетал Цубланицкий. Он до сих пор не мог прийти в себя от происшедшего с ним. Все же он послушно пошел, увлекаемый директором к лобному месту, не чувствуя земли под ногами, словно балансировал между небом и землей на невидимом глазу троссе, как канатоходец.

Когда два «друга» приблизились к краю «роковой пучины», Арик услышал мелодичный стук, но не придал этому значения. Ах, если бы он знал, что этот стук означает! Все, возможно, было бы по другому. Лучше для него или нет? Кто знает?

– Давайте посмотрим на этого несговорчивого строптивца, который пренебрег моей дружбой. Он был слишком самонадеянным и поплатился за свою недальновидность, – философски заметил директор.

Взглянув на распластанное в воде тело толстяка, Арик почувствовал сильный приступ тошноты, отвернулся, и его вырвало, чуть не вывернув наизнанку.

– Ну, ну, мон шер, – не глядя на него, сказал директор. – Для вас все позади. Черная полоса судьбы, к счастью, прошла стороной. Давайте заглянем ко мне в рабочий кабинет и закрепим наши джентльменские отношения оформлением этой взаимовыгодной сделки.

– Делайте, что хотите, – отчаянно махнул рукой Арик.

– Вы напрасно подумали обо мне самое худшее. Я же не разбойник с большой дороги. Я человек коммерции. И предлагаю вам девять тысяч зеленых за ваше авто, – протянув чистый носовой платок и взяв под руку, директор жестом пригласил Цубланицкого в свой кабинет.

Арик опять услышал странный стук. Но теперь он отбивался в другом мелодичном ритме, напоминающем стук палочек по пионерскому барабану в стиле «Бей, барабанщик, в барабан».

В светлом, напоминающем зал Третьяковской галереи кабинете директора сильно пахло изысканными благовониями. По стенам висели огромные картины с портретами королей и вельмож разных времен вперемежку с кроваво-садистскими сценами мистического характера, написанными современными художниками. Прямо над столом хозяина кабинета висело красочное эпическое полотно, порожденное больной фантазией автора, видимо, долгое время проведшего за колючей проволокой.

Картина имела оригинальное название «Месть братана» и должна была по мнению директора давить на психику любого, вошедшего в эту дверь. По-видимому, директор считал, что таким нестандартным способом добьется от жертвы шантажа полного подчинения воли. Так несчастный кролик загипнотизированный взглядом безжалостного удава не пускается в бегство, а сам лезет в пасть голодного хищника.

Войдя к себе, директор прошелся по комнате и остановился возле стола. На нем стояла фотография в серебряной рамке. Он внимательно осмотрел ее, повернул к себе тыльной стороной и снова поставил на стол.

– Моя жена. Меня тоже постигла тяжелая утрата. В этом мы с вами родственные души. – Директор нажал на кнопку в стене, и открылся встроенный бар с большим выбором алкогольных напитков. Он взял две пустые рюмки с верхней полки и расставил их на столе. Затем приглашающе помахал бутылкой коньяка, откупорил ее и разлил золотистую жидкость.

– За долговременное пребывание на этом свете, – как грузинский тамада провозгласил директор, предложив Арику продегустировать рюмку французского коньяка.

– Я не имею привычки пить, – попытался отказаться Цубланицкий.

– Не старайтесь оскорбить меня отказом, дорогой мой. Одну рюмочку вы можете выпить. Я же не заставляю вас осушать целую бутылку.

– А почему вы разлили на двоих? – опасливо спросил Цубланицкий, допуская мысль, что его хотят отравить. – Нас же здесь трое.

– Третьим вы имеете ввиду моего приемного сына? У каждого своя бочка. У него, – он ткнул пальцем в жирный бок «бульдога», – бочка внешняя. Она включает в себя все спиртное пойло, что стоит на прилавках магазинов и производится на ликеро-водочных заводах. Ее ему никогда не опустошить. У меня бочка внутренняя. Когда она внутри меня наполняется до краев и мне уже не лезет, я перестаю пить. Но как только спиртное из меня испарится, я готов наполнять ее вновь. Как вам моя присказка?

Арик, дальновидно осушив свою рюмку последним, пожал плечами. «Когда засунул голову в пасть крокодила, нечего мычать», – подумал он.

– Давайте сразу еще по одной. Да вы не стесняйтесь и ничего не бойтесь, мы вас не отравим.

В дверь кабинета постучали. «Бульдог» сразу напрягся.

– Открой! – приказал ему директор. – Кто еще там? Я же занят! – капризно проворчал он.

– К вам новые клиенты, – возникнув на пороге, сказала секретарша и посмотрела на Арика огромными зелеными глазами, локтем прикрывая дверь.

– Назначьте им на другой день. Мне некогда с ними возиться. Пусть катятся ко всем чертям. – Виновато разведя руками, он пояснил Цубланицкому, – високосный год, что поделаешь. Нет отбоя от клиентов. Надо торопиться. Коммерция не жалует тех, кто упускает свой момент. Ну да Бог с ним, приступим к оформлению.

Внезапно Цубланицкий резким движением оттолкнул от себя стол, за которым они с директором пили коньяк.

Телохранитель тут же возник живым щитом между ним и своим хозяином (псевдоотцом). Но Арика это тупое мясистое препятствие не остановило. Неожиданно для окружающих тщедушный и робкий Арик сжал ладонь в кулак и нехотя дернул им вверх, помогая кулаку локтем. Кулак повернулся и почти деликатно попал в челюсть краснорожему «бульдогу». Тот сник, как проколотый баскетбольный мяч. Рот его раскрылся. Телохранитель медленно завалился набок, втискивая свой огромный красный нос в толстый ковер. Он еще дернул левой рукой, будто хотел что-то достать у себя из-за спины, но вдруг захрипел и застыл.

– Он его убил! – закричала секретарша, попятившись назад и мешком плюхнувшись в кресло с дырой, прожженной сигаретой.

Арик на мгновение взглянул на девушку. Облокотившись локтями на столик с телефоном, она сидела, прижав руки ко рту, в позе ужаснувшегося человека. В позе до того испуганной, что выглядела даже глупо. Кожа у нее на лице стала землисто-серой, в глазах метался страх.

Арик рванулся к выходу из этой дьявольской комнаты. Свобода была так близка. Ему казалось, что он почти коснулся ее рукой.

Но это был мираж. «Врата Рая» имели надежную внутреннюю охрану.

Едва Арик выскочил в демонстрационную залу, как неожиданно получил два удара поддых от двух бдительных поджарых охранников.

– Моя язва! Вы разорвали мне свежий рубец! – от боли и испуга скорчился Цубланицкий.

– Не дергайся, малыш.

И его обратно втолкнули в кабинет директора.

– Я не ожидал от вас такой прыти. Что это вам взбрело в голову лезть с ним в драку? – показывая на поднимающегося с ковра «бульдога», спокойно спросил директор.

Арик рассмеялся и объяснил:

– Нервы. Меня просто понесло.

– Полноте, мон шер, эта комедия никому не нужна. Бросьте вы эту клоунаду. Вам же будет лучше набраться мужества и не визжать.

Час спустя на ватных ногах Цубланицкий покинул офис фирмы «Врата Рая» и, пройдя территорию промзоны, очутился возле оживленного шоссе. Ему казалось, что он не вышел из злосчастных бутафорских, а словно вошел в настоящие Врата Рая. Так ему стало легко. Груз напряжения и страха, висевший у него на шее последние пару часов и тянувший в бездну Ада, отпустил его, и Сатана остался с дулей. Слезы радости выступили у Арика на глазах, неожиданно для себя он разрыдался как ребенок, обмочился и упал в обморок.

Очнулся он уже в ближайшем отделении милиции. Его неправдоподобному рассказу никто не хотел верить. Грязный и помятый вид пьяненького уличного бродяги не внушал доверия. Продержав до позднего вечера в отделении, его выпустили восвояси.

Выслушав подробный и эмоциональный рассказ Цубланицкого о шантаже, с помощью которого его принудили не очень выгодно продать свой автомобиль, следователь милиции Заплыгин откашлялся, открыл форточку в своем насквозь прокуренном кабинете и произнес:

– Что ж, интересная история. – Следователь ни на грамм не поверил рассказу, и это было написано на его ухмыляющемся лице. – Теперь у меня к вам будет несколько вопросов. – Следователь в упор посмотрел на Арика, пытаясь продавить его тяжелым взглядом. Вытащить на свет божий то, что подозреваемый скрывает в глубинах своего подсознания. – Свое краткое заявление о вашем приключении вы подали в милицию месяц назад.

– Совершенно верно, – не моргая ответил Арик. – Но проверку по моему заявлению не проводили и никакого дела не возбуждали. Дежурный офицер мне ответил, что я сам нахожусь в подпитии и продал свою машину добровольно, а теперь чего-то требую от милиции. И вообще, шел бы я отсюда восвояси по добру-по здорову, пока меня еще на несколько часов не закрыли в «обезьянник».

– Я тоже вам не верю.

– Но почему?

– Х-ха, – усмехнулся следователь, – вы думаете использовать милицию как разменную монету в своей коммерческой игре. Прокрутили чужие баксы, а теперь хотите свое авто назад. Не хило. Вы продолжаете настаивать на своих показаниях?

– Да.

– Четыре дня назад был обнаружен труп гражданина Филимонова, заместителя директора фирмы «Врата Рая» с несколькими пулевыми ранениями. На месте происшествия оружия не было обнаружено. Я вправе подозревать вас в организации убийства на почве мести. Вот взгляните на эти фотографии, может быть, они освежат вашу память?

С минуту покрутив в руках фотокарточки, Арик возвратил их следователю и возбужденно сказал:

– Я узнал этого человека. Это именно его утопили. Не может быть! Его искаженная предсмертным ужасом физиономия неделю не давала мне нормально спать.

– Да что вы говорите? – усомнился Заплыгин. – Вот заключение судебно-медицинского эксперта. Труп совсем свежий.

– Я вас не обманываю, поверьте мне хоть вы. Я указал в заявлении месячной давности некоторые приметы утопленника: тостяк с подрезанным ухом. Про себя я его тогда назвал-карнаухий толстяк.

Следователь, вспомнив описание жертвы, на минуту замолчал, напряженно думая. Морщины на его лбу собрались в одну густую сеть и казалось, что вот-вот лопнет тугая обветренная кожа.

– Ваша история и события вокруг фирмы «Врата Рая» становятся все более загадочными. Вы поставили нас в тупик. А ведь все было так просто: организация убийства на почве мести. Еще сегодня утром я думал, что держу заказчика этого мокрого дела за хвост. Ан нет, выходит все гораздо сложнее. И еще придется повозиться.

– Я не знаю как точно это по вашему называется, кажется очная ставка. Вы могли бы устроить ее мне с директором фирмы.

– Ах, если бы это было возможно. Боюсь, что теперь уже нет. Директор фирмы со свитой бесследно исчез с того дня, как нашли его бездыханного зама.

Заплыгин, слушая повторный рассказ Арика о необычайном приключении, в раздумьях ходил из угла в угол демонстрационного зала фирмы «Врата Рая» и беспомощно чесал в затылке. Казалось он раздерет его в кровь. Так активно он это делал, словно иного способа для стимуляции работы своих серых клеточек он не знал. Ничто пока не предвещало успешного разрешения этого темного дела. Судя по всему ему опять попался «глухарь». Он уже выкурил одну за одной полпачки «беломора», заметно пожелтел и громко прикашливал.

Когда Арик в своем бесконечном рассказе подвел его к бассейну, Заплыгина внезапно осенило. «Если следовать рассказу Цубланицкого и допустить то, что он говорит чистую правду, отсюда вытекают как минимум два вывода: фирма служила прикрытием для кучки вымогателей и убийц во главе с директором. Цубланицкий, наверняка, попал в такую ситуацию не один. Для некоторых, особо строптивых это могло кончиться очень плачевно. Судя по всему эта адская машина, – он взглянул на бассейн и вышку, – пропустила через себя достаточное количество людей и играла роль своеобразной гильотины. Вот тебе раз, – ошеломленно подумал Заплыгин, испугавшись своих собственных умозаключений. – «Глухарь-то» не простой, а многосложный. Мало того, что убийцу карнаухого толстяка вряд ли удастся найти. Ко всему прочему не обнаружены другие утопленники. Их может быть, уже зарыли, пойди отыщи. А директор смылся. – Он нервно взглянул в бездонную пучину бассейна, словно ища в ней ответа. – Здесь должна быть достаточная глубина, чтобы прыгать с вышки. Метров пять не меньше, – сверлила его беспокойный мозг очередная мысль. – Дна вообще не видно. Должны же быть здесь какие-нибудь улики. Не может быть, чтобы ничего не осталось.

– Арнольд Викторович! – громко позвал следователь Цубланицкого. – Подойдите к бассейну и покажите каким образом расправились с толстяком.

«Поскольку жертв подвешивали вниз головой, – продолжил свои внутренние рассуждения Заплыгин, – у них наверняка что-то могло выпасть из карманов, если они, конечно, не были нагишом. А Цубланицкий утверждает, что толстяка не раздевали. На темном невидимом дне бассейна могло что-то заваляться. Надо немедленно это отыскать».

– Спустите воду в бассейне! – внезапно выкрикнул он.

Молодой сержант, исполняя приказ старшего по званию, сбросил с себя темно-серый китель и брюки, оставшись в одних синих казенных трусах.

– Не захлебнись, Андрюшка, – с добродушным сарказмом подбодрил его следователь.

Парень быстро нырнул в мутную глубину и выдернул сливную пробку. Двумя ловкими движениями он вылез из бассейна. Вода стала заметно спадать, обнажая мокрые стены.

Не дожидаясь, когда вода полностью уйдет, Заплыгин в нетерпении спустился на плиточное дно. Осторожно ступая по щиколотки в холодной воде, он прошел на середину сооружения.

– Ах, мать вашу, как же здесь глубоко, не меньше пяти метров, – выругался следователь. – Тут не только людей топить, а и крокодила можно держать.

Снизу вверх он взглянул на вышку.

– В такой глубокий бассейн можно прыгать и с более высокой вышки. Она не соответствует бассейну. Тут странное несовпадение.

Заплыгин, не торопясь и раздумывая, обошел весь небольшой бассейн по периметру. Ничего интересного для себя он не отыскал. На дне бассейна не оказалось: ни шариковых ручек с золотым пером, ни ключей от машины или квартиры, ни электронной записной книжки, ни бумажника с кредитными карточками, ни газового пистолета. Ровным счетом ничего.

Следователь снова посмотрел вверх.

– А это что такое? Андрюшка, дай-ка мне лестницу.

Сержант тут же исполнил его приказ.

Следователь тщательно осмотрел и пощупал лесницу руками, выдержит ли она его шестипудовое тело. И убедившись в ее полной надежности, полез по ней.

Поднявшись почти до самого верха, Заплыгин остановился возле той улики, которую так долго искал. Он отдышался и просунул левую руку глубоко во встроенную в стене бассейна нишу. Нащупав резиновый шланг, вытянул, выдернул пробку и приложил его ко рту. Два раза для проверки резко дунул.

Воздух, устремленный сильным напором, отозвался слабым гудением где-то наверху на другом конце шланга.

Следователь попробовал дышать через него.

«Все ясно», – подумал он. Разгадка запутанного дела молниеносно пришла ему на ум.

– Хитро задумано, – читая вопрос в глазах у всех, усмехнулся Заплыгин. – Сейчас я вам все объясню.

Выбравшись из бассейна, он первым делом разулся и вылил воду из ботинок.

– Могу вас успокоить, Арнольд Викторович. Я отменяю вам меру пресечения. Вы стали жертвой ловких мошенников. И как думаю, не один. Директор фирмы «Врата Рая» не спроста давал своим клиентам заполнять при оформлении ритуальных сделок специальные анкеты. Таким путем он выявлял и подшивал в отдельную папку анкеты работников финансовой сферы, имеющих хороший достаток и несколько трусоватых, вроде вас.

– Как бы вы поступили на моем месте? – обиделся Арик. – На моих глазах утопили человека.

– Перед вами мастерски разыграли спектакль. На подобные трюки директор оказался достаточно талантливым режиссером.

– Что вы имеете ввиду? – удивленно спросил Цублаицкий. – Какой такой спектакль? Карнаухого толстяка топили самым натуральным способом и я ни чуточки в этом не сомневаюсь.

– Вы глубоко заблуждаетесь, – спокойно возразил следователь.

– Тогда объясните же скорее, в чем дело? И перестаньте водить меня вокруг сути.

– Несколько минут назад исследовав бассейн, я обнаружил, что псевдоутопленник мог дышать через заранее приготовленный шланг. Помните вы услышали странный ритмичный стук, когда вас подводили к краю бассейна.

– Да, да, припоминаю.

– Это был сигнал карнаухому «артисту». Он переставал дышать и прятал шланг в нишу. Когда же вы отходили от него, ему тут же подавали сигнал в другом ритме, что означало для него «можешь взять шланг и дышать». Таким образом у вас возникала иллюзия убийства. Вы были шокированы, подавлены и готовы принять любые условия аферистов.

– Подумать только! – воскликнул Цубланицкий. – Меня провели как полного идиота.

Заплыгин в упор посмотрел на Арика. Он страшно устал и ему было сейчас не до эмоций Цубланицкого. На секунду он прикрыл глаза, тут же снова открыл их и сказал медленно, взвешивая каждое слово:

– Я видел всякое. В моей практике были ситуации похлеще. Всеми людьми подобного рода правит алчность. Это такое тяжелое хроническое заболевание, которое лечится только деньгами, но и они приносят лишь временное облегчение.

Позднее в ходе следствия были допрошены другие потерпевшие, адреса которых хранились в анкетах из особой папки директора фирмы «Врата Рая». Выяснилось, что карнаухого толстяка убил один из обманутых клиентов, когда случайно встретил его вечером на улице. Слишком эмоциональный работник банка принял толстяка за мертвеца, явившегося с того света, и от страха разрядил в него всю обойму пистолета, купленного после злосчастного происшествия.

Сотрудники ритуальной фирмы вместе с директором бесследно исчезли из Москвы. Когда-нибудь они объявятся со своими аферами в других городах.

6 июня 2000 года.

Дело №…[2]
(детективный рассказ)

Игорь Фатхуллин
Сергей Распопов

1

Ночь глядела в окна домов спящего города. Женщина встала с постели, прошла на кухню и подошла к окну. Постояв минуты две – три в нерешительности, она распахнула форточку настежь и закурила сигарету. Она мучительно о чем – то размышляла, временами ее лицо искажала гримаса отвращения и губы сами собой складывались в презрительную улыбку. «Ничтожество, ах, какое ничтожество! – сказала она и тут же фигура ее съежилась и стала наполовину меньше, она с испугом оглянулась и стала вглядываться в темноту комнаты, ей показалось что произнесенные шепотом слова неосторожно сказаны громко, их могли услышать. «Ничего омерзительнее для меня придумать не мог, – с упреком подумала она, – может все бросить, собраться и уехать куда глаза глядят, подальше отсюда, чтобы не брать греха на душу… Нет, слишком поздно, обратной дороги нет, от них не скроешься даже под землей. Отыщут где хочешь.» Она затаила дыхание. Из комнаты доносился равномерный храп. Осторожно, стараясь не совершать лишних движений женщина подошла к кровати и достала из сумочки лежащей на полу миниатюрный французский фен. Мужчина продолжал безмятежно спать. Было заметно как грудь его тяжело вздымается в такт дыханию. Женщина слышала каждый стук своего сердца. Нервы ее были на пределе. Нет, она не могла просто так, ни за что, убить человека! Это в детективных романах убивают легко, без мучительных угрызений совести. А это реальная жизнь. Какой тяжкий груз ляжет на душу. Ах, если бы он, черт возьми, хоть на мгновение проснулся, посмотрел в лицо своей смерти! Не убивать же спящего? Может быть, разбудить, чтобы исповедался напоследок? В комнате над кроватью прозвенели настенные часы. Двенадцать раз. Полночь. Она вздрогнула от неожиданности и едва не потеряла сознание. Спящий открыл глаза и сразу схватил ее за предплечье.

– Аня, иди ко мне! – сказал сонным голосом. Хорошо еще, что руку с феном успела спрятать за спину. Он спросонок ни о чем не догадался. Залил глаза водкой и ничего не соображает. Она позаботилась о том, чтобы не совершить промашки. В конце концов, какая разница, что оборвет жизнь этого пропойцы? Он все равно сдохнет как собака под забором, сегодня или чуть позже! – мысленно оправдывала она себя. – Печень совсем разложилась от алкоголя. У-у! Мерзкая рожа!

– Ты, почему не в постели? Что-нибудь случилось? – встревоженно спрашивает он.

Только бы он ничего не заподозрил!!

– Да, ничего страшного, дорогой! – она изобразила вымученную улыбку на лице. – Знаешь, мне захотелось немножко выпить, ты спи, я сейчас вернусь. Это займет пять минут, не больше! Поверь мне. Я не собираюсь от тебя уходить, тем более ночью. Посмотри, какой ливень на улице! «Кажется, я его успокоила, – решила она. – Во всяком случае он отвернулся к стене и в ожидании меня снова уснул. Последнее, мне только на руку. Если бы он мог знать, какой я ему готовлю сюрприз!»

Десять минут спустя она перелезла через него и тут же провалилась в сон. Ей снилась какая-то жуть, аж, пересказывать страшно… Она тонула в большой бурной реке, ее затягивало

[2] Рассказ опубликован в книге: «Подольский Альманах» в №1 за 1997 год. Первая наша совместная публикация в печати.

в водоворот и она из последних сил старалась выплыть на берег. Вот, кажется, ей повезло, она ухватилась за проплывающее мимо бревно и поплыла по течению, вниз по реке. Ей удалось выбраться из воронки, спасительный берег был против нее, в каких-нибудь саженях пятидесяти впереди… Она считала себя спасенной, но тут появился на лодке ОН. Ее убийца. Он плыл навстречу ей, стремясь ее настигнуть, она в ужасе узнала в нем ЕГО. Того, кто спал с нею рядом и чье зловонное дыхание она ощущала на своем плече. Она оказалась в тупике, назад она плыть не могла и в то же время не могла плыть вперед, навстречу собственной гибели. Он настиг ее и размахнулся веслом, чтобы ударить по голове. Она закричала и вцепилась зубами в его запястье. Кажется он одолевал ее, ему почти удалось высвободить руку и… Тут она проснулась от его громкого вульгарного храпа. «Ну все, хватит эмоций. Пора… За дело…» – поборов в себе душевные колебания, приняла роковое решение она.

За двадцать секунд все было кончено, он превратился в обмякшую тушу. Она нагнулась к нему, сердце не билось…

Выполнив все что необходимо, она оделась и набрала номер нужного телефона. На том конце сразу взяли трубку.

– Все кончено. Клиент мертв. С остальным неудача, – сказала она.

– Спасибо, детка! Возвращайся домой, – ответил знакомый сиплый голос. Она тихонько захлопнула дверь квартиры и навсегда забыла дорогу в этот дом.

2

Дежурный уазик – микроавтобус, дребезжа и подпрыгивая на ухабах, мчался сквозь ночную мглу, слегка притормаживая на поворотах. Раза два чуть было не перевернулся.

– Ну что там опять, – ворчливо спросил следователь, желтолицый худоватый мужчина лет сорока, выпуская густую струю едкого табачного дыма, – Вы когда мне спать дадите? Уж третий труп на этой неделе, мать вашу!

– Э-эх, Михалыч, – глянул в его сторону моложавый полноватый криминалист Орлов, – как ты дежуришь, так нам забот невпроворот, видать ты невезучий.

– Видать, – задумчиво пролепетал Степан Михайлович, прикрывая ладонью неуемную зевоту.

3

Когда дежурная группа вошла в квартиру, ничего особенного никто не приметил. Труп как труп, следов борьбы нет, побоев, ножевых ранений, крови нет, шея в порядке.

Труп мужчины лет пятидесяти лежал на кухне на полу лицом вверх, слегка съежившись. Рядом с холодильника свисала белая мокрая тряпка, один конец которой касался его задней стенки. Дрогнув и стрекоча холодильник автоматически отключился. В кухне было душновато, вызывали тошноту и спазм в горле едкие пары винного перегара. На столе, на полу, по всем углам стояли многочисленные бутылки из-под вина, водки и бог знает каких еще спиртных напитков.

– Это Зеленов, дядь Женя, – грустно произнес молоденький участковый, выпятив сочувственно глаза на непоколебимого и озабоченно снующего по всей квартире Степана Михайловича. – Я его еще весной по-человечески предупреждал: «Не пей, не пей, завязывай! Совсем докатишься.» Я тогда свой первый материал по жалобе разбирал. Дядь Женя пил с каким-то плиточником со стройки. Оба в дугаря. К ним у пивной пристал один алкаш, молодой, нигде не работает. «Дай тыщу, да дай тыщу.» Дядь Женя послал его подальше, а он в драку. Ну и дядь Женя наварил ему как следует. Тот сначала ко мне с жалобой, мол избили, теперь работать не могу, семью кормить. А потом гляжу приходит весь испуганный, с дядь Женей за руку здо-

ровается, хочу вот заявление забрать. Замял я, в общем, это разбирательство. А дядь Женя, он ведь плотник, его тут все уважают, мужик хороший, сделал мне по-дружески в опорном пункте дверь входную из дуба и жестянкой всю обил, а то пацаны, шпана старую всю прожгли, изрисовали. «Ты, – говорит, – Маратик, на меня не обижайся, что побеспокоил. Ну хватил лишку, ну победакурил, с кем не бывает. А так я мужик справедливый, за зря никого не обижу. Пью, конечно, но и работаю, и зарабатываю прилично, не то что этот балбес, ябедник. Вот недавно схоронил жену Полинушку, и как же мне не пить?» Так и пил постоянно, и жалобы шли от жильцов, – закончил с грустью вспоминать Марат свои добрые отношения с Зеленовым, ведь о покойниках плохого не говорят, не принято. – Мне кажется, – робко протянул участковый, сдвигая на затылок новенькую милицейскую фуражку, – дядь Женя, покойный, как всегда пришел, видать, со стройки, принял стопку – другую, занялся уборкой, холодильник начал мыть, да и попал под напряжение. Ведь говорил ему: «Бросай, ты, эту водку.» Э-эх…

– Отбой, – выдохнул криминалист, закончив щелкать фотоаппаратом, – поехали домой, тут криминала нет. Несчастный случай в быту. Марат, какого черта нас подняли среди ночи?!

– Смерть наступила сутки назад, – холодно пробормотал следователю судмедэксперт, убирая в чемодан длинный анатомический градусник. Эксперт выглядел высоким, сухощавым, педантичным стариком в белом помятом халате и маленьких круглых очках, похожих на велосипед.

– Нет, погодите!!! – вдруг властным голосом остановил всех следователь, до этого не проронивший ни единого слова, и многозначительно вытянул вверх указательный палец. – Довольно странно все это. Вот Вам три детали:

Первая. Труп обнаружен в одних трусах. Я потрогал батарею, она холодная. В этом доме не топят, хотя уже октябрь, и в квартире, как я видел на термометре, 12 градусов. Разве мог покойный Зеленов в такую холодрыгу ходить в одних трусах и преспокойно заниматься уборкой? Не-ет.

Вторая. Сегодня среда, а давность наступления смерти не более суток, значит Зеленов умер во вторник. А за каким чертом ему во вторник заниматься уборкой? Он как простой российский работяга придет домой со стройки, да примет стакан, другой бормотухи, и ему уже ничего не надо: никакой футбол по телевизору, никакая уборка. А там и спать завалится. Не-ет, уборкой он мог бы заняться только в выходные дни от нечего делать.

– А вот Вам и третья деталь, – сказал следователь. – Дай пинцет! – бросил он криминалисту.

Криминалист не заставил себя ждать. Следователь подозвал понятых, наклонился над трупом и произнес:

– Вот, обратите внимание, на ладонях умершего кожа обуглилась, а тряпка-то чистая, белая вся. Ты, Сергей, – обратился следователь к криминалисту, – обработай-ка в квартире все своими порошками, да изыми все следы пальцев рук, которые найдешь. Все это нам может вскоре пригодиться. Тряпку я с собой беру как вещественное доказательство. Да, чуть не забыл, Андрей Петрович, – обратился Степан Михайлович к подоспевшему на происшествие начальнику уголовного розыска Соловьеву, грузному седому майору с суровым взглядом и черной папкой подмышкой, – выручай как можешь, но оставь в квартире человечка для охраны, дверь снаружи опечатай, вдруг зачем какие гости тут пожалуют. Да предупреди, чтоб никто здесь ничего не трогал.

– Ладно, все устроим, – басом прохрипел Андрей Петрович.

После беглого осмотра места происшествия дежурная группа потихоньку стала разъезжаться. Уставший от частых ночных выездов старший следователь прокуратуры Степан Михайлович Воронцов сейчас не мог трезво оценивать все подозрительные факты, и попросту оставил все догадки и раздумья на утро следующего дня. Утро вечера мудреннее.

4

Утром Степан Михайлович пришел на работу позже обычного, постарался выспаться. Он уже чувствовал, что смерть Зеленова не просто несчастный случай, а убийство, причем очень хитрое, и день ему предстоял напряженный. Степан Михайлович, глядя в окно, прокручивал в голове события прошедшей ночи. Неужели несчастный случай? Все может быть. Да, нет же, тряпка, лежавшая на холодильнике, что-то очень подозрительная. Вроде током шибануло мужика, но на тряпке следов-то нет, по идее концы ее должны обуглиться от электрической дуги, а они чистые и белые.

– Эксперта Стрельцова можно? – спросил Степан Михайлович, набрав по телефону номер городского морга.

– Матвей Филиппович, – обратился Воронцов к медэксперту, – как там наш вчерашний жмур (труп)? Что скажешь?

– Открытых ран, следов побоев на трупе нет. Есть, правда, кой-какие незначительные повреждения на коже в области спины, об этом позже. В момент наступления смерти погибший был в нетрезвом состоянии. Смерть наступила от поражения электротоком. На ладонях обеих рук есть два обугленных пятна. Мне кажется, что это не совсем увязывается с той мокрой тряпкой.

– И я того же мнения, Филипыч. Подготовь, будь любезен, все для химической экспертизы.

– Хорошо, Степан Михалыч, будет сделано.

* * *

Сидя в своем кабинете и читая протокол осмотра места происшествия, Степан Михайлович рассуждал:

– В квартире чисто, везде убрано, все разложено, расставлено по своим местам. Мебель добротная, полированная, телевизор цветной, четвертого поколения «Рубин», магнитола корейского производства, шкаф, сервант и тумбочки полны одежды, посуды и всякой прочей утвари. Видно, что мужик привык к порядку в квартире. Значит, хоть и был обычным пьяницей и водил к себе друзей, собутыльников, но все же не устраивал из своей квартиры притона и, скорее всего, выгонял всех пьянчуг прежде чем заваливался спать, никого не оставлял у себя проспаться до утра, опасаясь, что его обворуют. И, вероятнее всего, в комнату дружков не пускал, пил с ними на кухне. В комнате паркет и мебель без царапинки, а на кухне линолеум на полу и стол окурками кой-где прожжены…

– Войдите! – резко вскрикнул следователь от внезапного стука в дверь. – Ах, это ты, Марат, как всегда вовремя, милости прошу, – вежливо пригласил Степан Михайлович участкового Гайнуллина, – что скажешь о вчерашнем происшествии?

– Выяснил про Зеленова кое-что. Детей у него нет. Квартира государственная, не приватизированная. Он и его супруга оба детдомовские. Наследников стало быть нет. Шесть месяцев назад схоронил он свою единственную жену, загоревал сильно мужик, совсем запил, работу начал пропускать. И вот в июне он уволился, ушел на пенсию, ему то ведь уже 64 года.

– А выглядит на 50. Да-а, крепкий дядька.

– Дружков пускал к себе как раньше, но стал каким-то домоседом, огурцы, помидоры на балконе выращивать. На улице в последние месяцы его никто не видел, только на балконе. В магазин и то дружков стал посылать. А ведь бывало только жалобы и шли, то нос кому – то у пивнушки разобьет, то песни матерные по улице орет. После смерти жены романов с женщинами не заводил. И еще одно. Вчера часов в 11 вечера соседка с этажа услыхала стук в подъезде, по старческому любопытству глянула в глазок, увидала троих мордоворотов с отмычкой

и монтировкой у двери Зеленова, панику устроила, всех соседей всполошила к нам в отделение милиции сразу позвонила, так мол и так, грабители к соседу лезут. Наши ребята из патрульной службы как раз мимо того дома проезжали, подоспели буквально через минуту. Но тех молодцов и след простыл. Дверь у Зеленова оказалась крепкой, замок надежным, открыть не успели.

– Да-а, у строителя дверь, крепость Измаил, сходу не возьмешь.

– Стали выяснять где хозяин квартиры, звонить, стучать в дверь. Никто не открывает. Обратили внимание, что свет в квартире горит и в комнате, и на кухне. Приняли решение и в присутствии соседей и старшего по дому дверь в квартиру взломали, Зеленова, покойника, обнаружили. А что дальше, Степан Михалыч, Вам известно.

– Ну что ж, Марат, ты молодец. Дельце интересное, работа предстоит большая…

– Прокуратура, Воронцов, – снял трубку застрекотавшего телефона следователь.

– Соловьев на телефоне. Степан Михалыч, добрый день. Не хотел Вас беспокоить слишком рано. У нас ЧП. Минувшей ночью мы в квартире Зеленова оперативника Замятина оставили для охраны, как Вы просили. Так вот, как только все разъехались, в квартиру опять ломиться начали. Замятин подал голос, сделал выстрел для предупреждения. Но те ребята ничуть не испугались, штурмовать квартиру начали, огонь открыли по двери из двух обрезов. Замятин им в ответ. Соседка видела все тех же молодцев, давай в милицию звонить. Замятин еле жив остался, но молодец, додумался ведь парень на дежурство, на свои-то габариты тесный бронежилет напялить.

– И слава богу.

– Правда, пулями отбросило назад, так он себе затылок вкровь разбил об люстру.

– Эт что же прямо вверх летел?

– Да нет, недавно к нам в милицию пришел из баскетбольной секции, 2 метра 10 ростом, представляешь.

– Вот это да!

– Степан Михалыч, я бригаду поднял, машина скоро подойдет.

– Уже готов.

5

– Так ты, Замятин? Давай показывай ту люстру, – мотнув головой, усмехнулся Степан Михайлович. Такого длинного милиционера он видел в первый раз. Ну прямо Дядя Степа!

Тусклый поцарапанный коричневый пластмассовый плафон свисал с потолка в комнате на длинной алюминиевой ножке. Он никак не вписывался в интерьер стоявшей вокруг полированной мебели.

– Об эту ерундовину ты голову себе разбил? Не может быть, она же легкая, одна пластмасса. – Вытянув до хруста в подлопатке руку, Степан Михайлович кончиком указательного пальца демонстративно ударил по плафону. И тут же резко взвыл от боли. – У – у, черт! Кажись, я ноготь поломал.

– Бывает, – успокоительно кивнул Марат.

– Замятин, погоди, сними плафон. Режь провода кусачками! – раздраженно крикнул следователь.

– Сейчас, сейчас… Тяжелый?! А вроде как пластмасса.

– То-то и оно, тяжелый. Сергей, – подозвал Степан Михайлович криминалиста, – возьмика поскреби, что за дела?

– Та-ак… Степан Михалыч!!! Под пластмассовой оболочкой металл желтого цвета. Золото!!! Да килограммов семь, не меньше.

– Да-а, вот это дельце, – задумчиво протянул следователь. – Простому человеку в тайне, в одиночку невозможно такое количество драгоценного металла скопить или как-нибудь добыть, да еще расплавить и отлить в специальную форму, а после аккуратно запрессовать в пластмассу под обычный бытовой электроприбор, чтоб никто не догадался и не нашел. Это может сделать только группа решительных, авторитетных, тесно сплоченных людей с помощью специалистов и только на каком-нибудь крупном заводе, где есть литейный цех и цех прессования пластмассы… Так так. Никак общак хранил покойный Зеленов. Не спроста он домоседом стал. А те молодчики с отмычками пришли, видать, от паханов проведать Зеленова. Звонят, звонят в дверь. Молчок. А свет горит в квартире. Забеспокоились, отмычками и монтировкой дверь открыть попробовали. Да соседка их вспугнула. Потом уж ясно стало, что Зеленова больше нет. Крестные отцы опять прислали тех ребят с обрезами, во чтобы то ни стало золото вернуть. Да им Замятин помешал.

– А с Зеленовым как? – спросил Марат.

– Убийство налицо! И, я так думаю, убийца женщина! Только очень-очень красивую, строгого вида, статную, внушающую доверие женщину он мог оставить у себя на ночь. Мужиков он бы выгнал из боязни, что его обворуют. Глянь, вокруг добра сколько. Все на месте. Никаких признаков ограбления. – Степан Михайлович, давно мечтающий о даче и своем участке, любопытства ради, поднял со стола свежий номер столь популярной среди садоводов и огородников газеты «6 соток». И тут он обнаружил под газетой маленький узорчатый по краям листок бумаги, испускавший тонкий аромат каких – то, видно, дорогих духов. Раскрыв листок он прочитал вслух краткий машинописный текст: «Я могла бы зайти на огонек, в понедельник, вечером». – Так и есть, в ночь убийства Зеленов был с женщиной! Мужик-то он еще крепкий был. Местных шлюх к себе не приглашал, брезговал. Свою покойную жену считал единственным и неповторимым идеалом. Но здоровому мужику, одному все равно скучно. Вот и приглядел он, наверное, с балкона какую – нибудь особенную кралю, подмигнул раз, другой, третий. А ей того и надо. Чтоб в квартиру к нему незамеченной попасть, назначила свидание на понедельник вечером, а записку бросила в почтовый ящик, в понедельник утром. Знала, что газета «6 соток» в понедельник к вечеру приходит. Я, кстати, тоже ее получаю. Эта краля рассчитывала, что Зеленов вместе с газетой ее записку из почтового ящика достанет, но о ее визите дружкам похвалиться не успеет, да и что он мальчик что ли хвалиться, мужику 64 года. Все друзья, все связи Зеленова были под неусыпным наблюдением, общак серьезное дело. А эту бабу, наверняка, никто не видел с Зеленовым, знать и заподозрить не может. Не такая уж она дура. Воры бы ее из под земли достали. Она по чьей-то наводке действовала, хитро, умно, несчастный случай в быту инсценировала, даже вещи из шкафов не разбросала, аккуратно все обшарила, дабы не привлечь внимания правоохранительных органов, но все ж золотишко-то не нашла.

– Ну и мастер ты, Михалыч, строить версии! – восхищенно произнес Марат. – Прямо у тебя чутье.

– За двадцать лет прокурорско – следственной работы и ты будешь как гончий пес нос по ветру держать, и фантазия появится как у Агаты Кристи, – с гордостью ответил следователь. – По-моему, Зеленов был убит вот на этой кровати во сне, она даже и не заправлена. Медэксперт обнаружил посмертные потертости, так называемые пергаментные пятна, на спине трупа. Возможно, убийца волоком оттащил его из комнаты в кухню, где и инсценировал несчастный случай с холодильником. После изрядной дозы спиртного, принятой на кухне, Зеленов со своей очаровательной незнакомкой перебрался в комнату на кровать, где и заснул вечным сном. Сергей, – обратился следователь к криминалисту, – осторожно сними с подушки наволочку и вместе с простынью отправь на экспертизу. Да и еще, я вижу на трюмо тут выпавшие волосы и новую массажную расческу. Красавица могла причесываться, приводить себя в порядок после бурной ночи. Отправь на экспертизу. Здесь многое может проясниться.

– Хорошо, Степан Михалыч.

6

Оперативники и участковый сбились с ног в поисках единственной зацепки к разгадке тайны, печатных машинок у родственников и приятелей потерпевшего Зеленова. Но тщетно. Родственников у него в живых уже не осталось, а в кругу друзей – приятелей были одни собутыльники. Откуда у них печатная машинка.

По результатам химической экспертизы стало известно, что на ладонях потерпевшего в обугленных метках остались частицы меди. Неизвестный убийца с помощью медных проводов пропустил через руки Зеленова высокое напряжение, что повлекло остановку его сердца и смерть. Версия об убийстве подтвердилась.

Следователь Воронцов продолжал заниматься обычной кропотливой работой.

– Воронцов слушает, алло Вас плохо слышно…

– Степан Михалыч, – послышался в трубке отдаленный голос криминалиста Орлова, – добрый день, звоню из кабинета областной судебно – медицинской экспертизы. Акт экспертизы еще не оформлен, большая загруженность, просто завал. Но областной эксперт заключение уже сделал. На трюмо, расческе и постельном белье Зеленова были обнаружены волосы с головы Зеленова и с головы женщины, причем, натуральной блондинки. Волосы прямые, не вьющиеся, длиной, преимущественно, около 60 сантиметров.

– Очень хорошо! Натуральной блондинки говоришь, их в природе всего три процента. А волосы прямые ниже лопаток. Это уже кое – что. М-о-л-о-д-е-ц!…

В дверь постучали.

– Войдите.

– Это кабинет следователя Воронцова? – в дверях показался невысокий, суетливый и востроглазый мужчина лет 45-и.

– Проходите, присаживайтесь… Чем обязан?

– Я, Левицкий Игнат Матвеевич, редактор местной газеты «Народное слово». Я к Вам по делу, может быть Вас это заинтересует… Недавно случилось несчастье с моим добрым соседом Зеленовым. Я знаю его уже давно. Он сделал для меня много хорошего: и замки неоднократно открывал, когда я по-рассеянности забывал ключи от квартиры, и двери, и рамы ремонтировал, практически бесплатно. Сами понимаете, зарабатываю я мало, а слесаря и плотника из ЖЭКа не дождешься. Поэтому считаю своим долгом оказать посильную помощь следствию в поисках убийцы. А дело вот в чем. На днях Вы проводили осмотр квартиры покойного. Меня пригласили в качестве понятого…

– Да, припоминаю.

– Вы обнаружили письмо с машинописным текстом. Когда я прочитал его, мне бросилось в глаза что – то знакомое в шрифте. Придя домой, я не мог отделаться от этой мысли, а именно от того, что обломанную палочку малой буквы «ы» я уже где – то видел…

– Действительно, буква «ы» с изъяном, – раскрыв уголовное дело, Степан Михайлович внимательно всмотрелся в текст злосчастного письма. – Буква «ы» редко встречается в текстах, я и не обратил внимания. А у Вас глаз острый, пытливый. На то Вы и редактор, чтоб любую ошибку сочинителя в тексте заметить.

– … В конце-концов, мне надоело об этом думать, я успокоился и больше об этом не вспоминал. Но вот, вчера, перебирая огромную кипу присланных в редакцию в этом месяце машинописных текстов для выпуска их в печать, я вдруг увидел печатный текст небольшого рассказа о плавании с буквой «ы», похожей на ту, что была в этом письме, и забеспокоился. Рассказ был прислан молодым талантливым писателем Сергеем Киреевым. Он назывался «Я плыву». Хотя я и не вчитывался в его текст, а просто бегло взглянул на заглавие, как поступал с другими

рассказами, я благодаря такому краткому названию и присутствию в нем малой буквы «ы», заметил ту букву с обломанной палочкой. В этом, поверьте, была очень большая случайность…

– Н-да, случайность…

– … Ведь мог не заметить, мог вообще не читать этого рассказа Сергея, поскольку он давно уже вышел в печать.

– Интересно, интересно… – задумчиво пробормотал Степан Михайлович. – А где проживает этот писатель?

– Сейчас, сейчас. У меня здесь записано. Вот, пожалуйста.

– Начальника уголовного розыска Соловьева, будьте добры, – набрал номер

телефона следователь. – Андрей Петрович, Воронцов беспокоит. Я по делу об убийстве Зеленова. Есть на подозрении два человека: Сергей Киреев – писатель и его возможная подружка неизвестная блондинка с длинными волосами. Сделай все поаккуратней. Сообщаю адрес…

– Диктуй, записываю, – устало проговорил Соловьев в трубку.

– Улица Сергея Смирнова, 13, квартира 50…

– Игнат Матвеевич, Вы не торопитесь? – спросил следователь. – Хочу попросить Вас пройтись в гости к писателю Кирееву. Здесь недалеко.

– Нет, отчего же, я просто обязан.

– Тогда пойдемте. Оперативники сейчас подъедут…

7

В квартире Киреева несмотря на позднее время, настенные часы только что отстучали половину двенадцатого ночи, горел свет. Причем, во всех трех комнатах. Квартира досталась Кирееву от родителей по наследству. Для единственного чада ничего не жалко. Впрочем. Киреев жил скромно, ничем особенным от других жильцов дома не выделяясь. Разве что как и любой писатель не лишен был тщеславия, т.е. жаждал славы. Он мечтал написать роман который сразу же станет бестселлером и обессмертит его имя на века. Что ж, и в добрый путь! Каждый имеет право на свою мечту. К тому же, наш писатель не лишен был таланта. Сегодня был его звездный час. Он давно готовился к нему и жил все последние недели под сильным давлением предстоящего события. Сегодня утром он был разбужен телефонным звонком, звонил секретарь издательства и сообщил долгожанную новость, только что вышел первый, сигнальный экземпляр его книги. Весь тираж, 10000 экземпляров, издательство обещало допечатать в течение ближайшего квартала. В книжные магазины книга должна была поступить сразу после Нового года. «Что-то его ждет, – лихорадочно думал Сергей, – слава или бесславие?» – Вот почему сегодня он устроил этот праздник с водкой и шампанским. Своего рода праздник души. Настал момент выпустить пары, черную энергию, которую так долго он держал в себе и которая все время не давала ему взлететь. Маленький человек по натуре, сегодня он почувствовал себя олимпийским героем. Собрались самые близкие его знакомые и друзья, двадцать человек, среди прочих два известных поэта и один литературный критик. Шампанское текло рекой, пробки от него подскакивали под потолок. Гости не скупились на эпитеты и дифирамбы в честь виновника торжества, вознося хозяина этой трехкомнатной квартиры до небес. Им это по совести говоря ничего не стоило, по крайней мере можно немножко и польстить, пустить пыль в глаза, если ваш кошелек от слов раздававшихся вокруг не становился тоще. Больше всех лез из кожи и льстил новомодный критик, намеренно назвав в застольном слове Сергея новым Солженицыным. Благо паюсная икра этого стоила. Все сидящие за столом дружно зааплодировали критику. Обед был заказан на дом из шикарного городского ресторана. Наш автор потратил на него большую часть аванса причитающегося ему за книгу. Этакий широкий жест души. Готовили специально приглашенные по этому поводу повара. Стыдно прослыть скупым,

особенно в такой день! В конце концов, один раз живем братцы! Конечно, само торжество по мнению некоторых гостей было преждевременным, книга сама по себе пока не существовала, всего-то один сигнальный экземпляр, и тот не составляло большого труда в случае чего рассыпать. Это понимали без исключения все, но наш писатель на радостях завелся, не остановить. И закатил царский пир. Его право. Расплачивался за обед хозяин этого маленького пира, а не они. И звонкой монетой. Наверняка долларами. Многие из гостей намазывая севрюжью икру толстым слоем на хлеб и запивая ее царской водкой, водкой первого сорта пытались в уме подсчитать во сколько вылился означенный обед нашему Лукуллу. «Наверное, лимонов шесть ухлопал!!» – спрашивали они себя и были близки к истине. «Солженицин ты или нет, – думал критик про себя, доедая индюшачью ножку, – но если ты, черт тебя возьми, со всеми потрохами, меня каждый день так будешь кормить, то я завтра тебя, дорогой мой, назову Львом Толстым!»

Похмельное утро. За окном моросит осенний дождь. Как быстро летит время! Оно сочится сквозь пальцы как песок. Еще вчера здесь, на протяжении нескольких часов гремело, играло и пульсировало подобно обнаженному сердцу шумное застолье, и никого. Гости постепенно испарились, на прощание нажелав Кирееву как и обычно в этих случаях долгих лет счастья и много сотен исписанных страниц рукописей. Гости ушли оставив после себя пустые бутылки и горы грязной посуды. Для последнего, впрочем, с недавних пор имелась на кухне новая посудомоечная машина.

8

Он решил, что на днях обязательно в помощь Ларисе наймет домработницу. «Надо будет дать объявление в газету и чем раньше, тем лучше! Я готов целовать следы ее ног и не желаю чтобы она распыляла свою молодость и красоту на рабский неблагородный труд.»

– Чтоб ты не страдала от пыли дорожной, чтоб дождик тебя не мочил,

Любимую на руки взяв осторожно, на облако я усадил… – процитировал Киреев.

– Как, как? – переспросила Лара.

– На облако я усадил! – повторил напыщенно Сергей.

– Ну, нет, я не хочу жить на облаке, я хочу остаться на земле, жить вот в этой самой квартире много много лет долго и счастливо, – капризно надув губки, вздохнула Лариса. – Как пишется в старых русских сказках, они жили долго и счастливо и умерли в один день. Только я не хочу умирать, я хочу жить вечно! – тут же добавила она.

На большом диване, покрытом зеленым атласным одеялом, облокотившись на вышитую бисером подушку, Лариса лежит в позе Данаи Рембрандта. Конечно, она само собой совершенно голая. Только маленький серебряный крестик на груди прикрывает ее женскую наготу. Смотря на нее, всякий раз ловишь себя на мысли, что перед тобой настоящая одалиска. Так оно и есть. Ее длинные белокурые волосы стянуты узлом на затылке, она в явно хорошем настроении, потому что не отвергает все похотливые домогания Киреева. А он сегодня в ударе. Ему все сегодня нипочем. Парочка только что пережила любовный экстаз в третий раз. На подоконнике большого квадратного окна величественно красуется кактус, непонятно почему тут оказавшийся, он несколько портит общую картину интимной близости двоих, и его Киреев неоднократно собирался выкинуть, но все недосуг, а потом к нему привык с самого детства, и ему кажется что соверши он это святотатство, комната значи тельно потеряет свою оригинальность, будет выглядеть неестественно голой, лишится живого тепла. Он пододвинул к дивану маленький журнальный столик, стоящий тоже здесь с незапамятных времен. Его приобрел отец в далеком детстве Сергея, он не помнил точно по какому случаю, кажется, отец хотел отметить очередную с матерью годовщину свадьбы, а кроме того он обожал такого рода подарки, чего только

не было в их трехкомнатной квар тире? Были различные пластмассовые фигурки купающихся и танцующих языческий танец девушек наподобие фаянсовых фигур, только эти были из пластмассы, уродливые африканские маски дикарей висящие в коридоре и над входом в каждую комнату, последние годы, на пенсии, отец занимался поделками из дерева, он специально каждое утро уходил далеко в лес и там выискивал чудеса природы. Какие-нибудь корни похожие на диких зверей и птиц, чудищ,, он их приносил домой в великом множестве и складывал в кучу у порога. Это хобби отца неописуемо раздражало мать, женщину нервную, у них по этому поводу разгорались целые баталии, в конце концов мать всегда уступала отцу.

«Что поделаешь, – слышал от нее всегда Сережа в детстве и когда уже заканчивал журфак, – чем бы дитя не тешилось, лишь бы не плакало.» Да, мама была права. Отец всегда был и остается большим самовлюбленным ребенком.

– Я люблю тебя, Лорочка, ты не знаешь как я тебя люблю! – говорил шепотом обез умевший от страсти Сергей.

– А вот и ошибаешься, знаю! Ты больше всего любишь целовать мои ноги… – в тон ему отвечала полупьяная Лариса.

– Я все, все для тебя сделаю, хочешь, мы завтра же распишемся? Я жить без тебя не могу!

На лице девушки промелькнула тень недоверия. Естественно, ей не один раз при ходилось выслушивать подобные признания мужчин. И они ей, эти признания, до чертиков надоели. Конечно, не сами мужчины, а ничем не подтвержденные обещания жениться.

– Ты с ума спятил, Сережа! Сейчас обещаешь, а потом забудешь.

– Но почему, почему ты мне не веришь? Что мне сделать, моя кошечка, чтобы ты поверила в мою любовь? Что? Хочешь я выброшусь сейчас в окно? Да, с пятого этажа, головой вниз, если ты откажешься пойти завтра со мной в Загс! Киреев встал на колени перед диваном и страстно, с безумным блеском в глазах стал осыпать поцелуями обнаженные колени и щиколотки Ларисы.

9

– Дин-дон, – послышался мелодичный звонок в дверь.

– Пойду открою, – сказал Сергей, ища глазами домашние тапки. – Кто там? Ах, это Вы, Игнат Матвеевич! Сейчас открою.

За дверью показался редактор Левицкий. За ним следом в квартиру бесцеремонно втиснулись оперативники. Потом вошел следователь.

– Киреев Сергей? – пристально глядя на писателя спросил следователь.

– Он самый, – растерянно промямлил хозяин квартиры. – Не понимаю в чем дело?

– Квартира на Садовой 17? – громко и пытливо произнес Степан Михайлович. – Пенсионер Зеленов, общак… – использовал следователь один из психологических приемов, пытаясь вызвать замешательство у подозреваемого, чтобы тот выдал себя своим нервным поведением.

– Я, я,…Вы не по адресу, – заикаясь и трясясь всем телом, – выдавил из себя испуганный Киреев, заметив в руках следователя удостоверение сотрудника прокуратуры.

– Сейчас разберемся, – тоном не допускающим возражений произнес следователь.

– В квартире есть еще кто-то, – настороженно предупредил оперативник Степанов, передернув затвор «Макарова».

В этот миг на ходу застегивая желтый махровый халат к неожиданным гостям вышла возмущенная Лариса.

– Сережа, кто это такие? Что им нужно? – гордо встряхивая белокурыми волосами, надменно произнесла она.

– Лорочка, дочка, как ты тут оказалась в этой квартире и с этим типом? – схватившись за сердце и побледнев, в растерянности произнес Игнат Матвеевич. – Мне мама на днях позвонила, что ты уехала на сессию сдавать экзамены…

– Папа, я уже не маленькая девочка и имею право на личную жизнь.

– Я твой родной отец и мне решать где и с кем ты проводишь свободное время!

– Но, папа…

– И слышать не хочу… Ну почему, ну почему, скажи пожалуйста, ты связалась с этим человеком? Ты знаешь, что он подозревается в убийстве? Нет, ни я, ни твоя мать, мы этого не перенесем! Как ты могла так низко опуститься?

Следователь Воронцов, молча наблюдая эту сцену, не прекращал усиленно размыш лять. «А дочка у Левицкого не такая уж красавица, – про себя отметил Степан Михайлович. – Лицо в прыщах, чрезмерно длинный нос, невыразительные глаза и непропорциональная фигура навряд ли вдохновят какого-либо Тициана. Наш Зеленов ею бы не увлекся. А на голове темнеется пробор. Нет, это не натуральная блондинка и не та которую мы ищем.»

– Послушайте, Игнат Матвеевич, – обратился следователь к редактору районной газеты. – Вы можете спокойно с дочкой идти домой, она здесь ни причем.

– Вы хотите сказать, что Лорочка не причастна к убийству?

– Вы совершенно правильно поняли мою мысль.

После ухода Левицких (отца и дочери) наступила неловкая пауза. Воронцов смело шагнул навстречу писателю.

– А в чем меня подозревают? – чуть не плача, спросил тот.

– Послушайте, Киреев, я хотел бы осмотреть ваш рабочий кабинет. Это возможно?

– Да, да, пожалуйста, нет проблем. – Вчерашний виновник торжества уныло побрел в свою творческую мастерскую.

– Вот это ваша печатная машинка?

– Да. Вы желаете ее осмотреть?

– А что это у Вас за такая записная книжка? – спросил следователь, увидев на столе раскрытую фирменную записную книжку с узорчатыми листками, такими же что и листок обнаруженный в квартире потерпевшего Зеленова. – Вот, смотрите, – достал Степан Михайлович из кармана листок с злосчатной уликой, – это письмецо отпечатано, наверняка, на вашей печатной машинке и на одном из этих ваших декоративных листков. Глядите, – Следователь перелистнул записную книжку на отдел «телефоны и адреса», – листочка с буквой «З» нет. Но этот листок у меня в руке. Точно также как и в вашей записной книжке он обрезан наискосок слева и на нем, я так думаю, отпечатано послание сделанное на вашей печатной машинке, экспертиза в ближайшее время все докажет. Я бы Вам не советовал скрывать то, что Вы знаете, это может облегчить вашу дальнейшую судьбу.

– Клянусь, я ничего не знаю и не понимаю в чем меня могут подозревать. О, боже всемилостивый! – запричитал писатель.

– Шлеп, шлеп, – отстучал на машинке букву «ы» следователь, вставив чистый лист. «Так и есть, малая буква с изъяном, палочка обломана как и в том письме, – торжествующе отметил про себя Степан Михайлович, – попался голубчик, теперь не отвертишься!»

– А кто это была? – на всякий случай поинтересовался следователь. Хотя он убедился, что это дочь редактора Левицкого.

– Это Лариса, моя невеста, я сегодня сделал ей предложение. Я был очень счастлив, все у меня шло отлично. И тут вдруг являетесь Вы… – безнадежно забормотал расстроенный писатель.

– Жениться, значит, решил да на такой у… – осекся следователь, едва не сказав «уродине».

– Так-так, – не без любопытства осматривая квартиру, пробубнил себе под нос Степан Михайлович. – Богатая у Вас коллекция старинных часов.

– Это мой папа большой любитель, можно сказать, фанат своего рода.

Степан Михайлович всю жизнь презирающий вещизм, ценил вещи исключительно за их полезные практические свойства.

– А чтой-то у Вас часы показывают разное время, какой с них прок? Каким верить?

– Какие Вы имеете ввиду?

– Да вон те, что слева от ковра, по цвету желтоватые, – указал следователь на одни из коллекционных часов с деревянным корпусом сделанным под орех. – Везде пол-первого, а на этих шесть ноль пять.

– На этих все в порядке, – прислонившись вплотную к циферблату и усиленно щурясь на сероватые старинные часы, – проговорил писатель.

– Да нет Киреев не на те часы ты смотришь, – сказал Степан Михайлович, отметив про себя: «Писатель-то, дальтоник и к тому же сильно близорук! Теперь понятно как он увлекся Лорочкой. Что в ней хорошего? Фигура так себе, физиономия приснится ночью, не проснешься. Блондинка крашеная кое-как. По всей видимости, он относится к той категории мужчин, для которых любая женщина блондинка, уже красавица.»

– А что, Сережа, у тебя много было женщин? – доверительно спросил следователь.

Сергей замялся, не зная что сказать.

– Я обязан отвечать на этот вопрос?

– Да обязан. Я жду твоей полной искренности.

– Да были. А что нельзя? Я что сделан из другого теста? По-моему, любить женщин никому не запрещено, скорее даже наоборот, этот факт говорит о большой жизненной энергии мужчины.

– Мне всегда нравились загорелые брюнетки по типу итальянской актрисы Джины Лолобриджиды. С одной такой знойной красавицей я познакомился три года назад на теплоходе «Шота Руставели».

– А мне наоборот, с юношеских лет нравились исключительно блондинки, – меланхолично заметил Киреев, – особенно Мерилин Монро. Вот, например, месяц назад я познакомился с одной куколкой в баре «Нептун». Кстати, сегодня утром она мне звонила, обещалась зайти вечером. Слава богу, я первый взял трубку, иначе бы Лариса все узнала и закатила бы дикий скандал. А я все-таки решил на ней жениться. Но своим маленьким слабостям изменять не хочу. В последние полгода у меня не было других романов, только с Ларисой и со Светланой.

– Ну что ж похвально, похвально, – скептически заметил Воронцов. – Так когда она должна зайти?

– В пять вечера.

– Не возражаешь если мы ее у тебя подождем?

Киреев снисходительно развел руками, что означало «воля ваша».

– Ну и хорошо, значит договорились, – миролюбиво сказал следователь. А про себя в душе отметил: «Киреев скорее всего не имеет никакого отношения к данному преступлению. Он живет в другом измерении, в мире творческих чудаков, его мысли витают в облаках, он человек рассеянный и чрезмерно эмоциональный, типичный меланхолик не лишенный таланта. Как верно заметил божественный Пушкин: „Гений и злодейство две вещи несовместимые“. А уж кто-кто, а Александр Сергеевич как никто другой понимал человеческую натуру.»

Размышления Воронцова неожиданно прервали звонкие девичьи голоса, доносившиеся из подъезда. Сергей встрепенулся. В дверь забарабанили.

– Совсем вылетело из головы, – не обращаясь ни к кому проговорил Киреев схватив себя за голову, – конечно, это они… кому же еще быть, только подобные дуры, между нами говоря, могут припереться в такое суматошное время. Да и, конечно же, в их приходе до определенной

степени виноват я сам, потому что сам при последней встрече, кажется назначил им именно сегодняшний день. – Тут Сергей неожиданно взглянул в сторону Воронцова и извинительно ему улыбнулся. – Ах, простите, совсем забыл про Вас… что я здесь не один нахожусь, со мной, видите ли, иногда бывает, налетает вдохновение, уношусь на крыльях мечты, живу в облаках, так сказать. В такие минуты я даже ближнего своего не замечаю, вот и про Вас случайно позабыл, а ведь Вы все-таки мой «лучший гость», так сказать…

– Ну, какой я гость, – уклончиво заметил Воронцов, – я здесь в вашем кабинете сейчас по служебной необходимости и во всяком случае гостем как таковым не являюсь…

– Ну, что Вы, дорогой Степан Михайлович! Я должен Вам кое-что разъяснить, это в отношении тех девочек, которые так нежданно-негаданно ко мне явились только что… видите, тут такое дело, я третий год веду одно известное Вам литобъединение при Доме культуры имени Баумана, так вот эти три девушки, одним словом, самые заядлые посетительницы моего маленького кружка, три молодые, подающие надежды поэтессы.

– Ваши гостьи наверняка Вас заждались. Ступайте же к ним, прошу Вас…

10

– Да-да, конечно, – писатель вышел в коридор.

Через пару минут дверь кабинета распахнулась и в нее как на крыльях влетел Киреев с тремя белокурыми симпатичными барышнями.

– Представляете, Степан Михайлович, вот эти три грации, эти три юные создания написали чудесные стихи в мою честь, хотите послушать? Да, знаете как их зовут? Вот эта с карими глазами Надежда, с голубыми Вера, а с зелеными…

– Подождите, – прервал его Воронцов, – попробую сам угадать… наверняка ее зовут Любовь?

– А вот и попались, не угадали, не угадали, – засмеялась вся четверка. – Помните, у бессмертного Пушкина в «Онегине»?

– «Итак, она звалась Татьяна…» – продолжил рассказывать развеселившийся в шумном женском обществе Киреев.

Все трое были как и ожидал Воронцов блондинками, причем, маленькая Татьяна наверняка натуральная. Она щебетала без умолку. Было видно, что она влюблена в Киреева, однако в отношениях учителя и ученицы чувствовался некоторый холодок. Была заметна определенная дистанция, шестое чуство подсказало следователю, что несмотря на все старания маленькой поэтессы ее чувство никогда не перерастет в роман, к которому так стремилась ее неразвитая душа.

Наговорившись вволю, пересказав все свежие новости и сплетни, три шумные болтушки собрались уходить.

– А это не твоя? – провожая девушек, спросил Степан Михайлович Таню, поправляющую длинные белокурые волосы перед старинным зеркалом. Он протянул ей массажную расческу, найденную в квартире Зеленова.

– Да нет, у меня своя, – брезгливо сморщилась блондинка.

«Все Вы женщины брезгливы и капризны в отношении личной гигиены, – подумал следователь, – чужой расческой чесаться не станете, не то что мужики. В Армии бывало перел утренним осмотром вся рота чешется одной гребенкой или одним бритвенным станком весь наряд скоблится перед караулом. Значит, ты не та которую я ищу.»

– До свидания, был очень рад, – бросил вслед уходящим девушкам Степан Михайлович.

Оставалось ждать еще одну блондинку…

11

Коллекционные часы наперебой наполнили квартиру мелодичным звоном.

– Ну вот, – весело проговорил Воронцов, – время свидания пришло. И тут же, в под тверждение его слов все присутствующие в квартире расслышали звонок в дверь. «Легка на помине…» – подумал он. Взволнованный Киреев, напуская на себя гостеприимный вид, пошел открывать.

– Здравствуйте, сердечно рад с Вами встретится, – сказал Воронцов, подавая руку Светлане, – когда оба, она в синем костюме с золотым кулоном и Киреев, вошли в кухню. – Мы только что о Вас с Сергеем вели речь и, честно говоря, его рассказ так заинтриговал меня, что я сознательно пошел на неучтивость, решил остаться чтобы с Вами познакомиться, надеюсь я не совершил грубой ошибки, – он обезоруживающе улыбнулся ей, – и Вы, Светлана, поймете и простите меня… вашего покорного слугу.

Невозможно было обидеться всерьез на него, именно в эту минуту, после этих, приятных для каждого человека слов. То положительное впечатление, которое он хотел произвести на нее еще до того момента как их познакомит Киреев, должно было принести свои плоды, кажется, он был всегда неплохим психологом и тот положительный импульс, исходящий сейчас от него, дал свой результат.

Светлана недоуменно посмотрела на Сергея, молча спрашивая его, кто этот импозантный чудак, так галантно встретивший ее.

– Это Светик, досточтимый Андрюша Попов, – соврал Киреев, указывая на Воронцова, – мой однокурсник по журфаку, о котором я тебе много рассказывал… Его интересные статьи о лисьей охоте неоднократно печатались в различных журналах, в том числе и в «Огоньке», да ты и сама их читала.

– А-а… – протянула Светлана, – вспоминая и одновременно подавая руку Воронцову.

Степан Михайлович, начавший свою профессиональную юридическую деятельность с расследования половых преступлений и приучивший себя сохранять хладнокровие в любой ситуации, сейчас ощущая на себе то огромное плотское тепло, исходившее от этой весьма очаровательной представительницы прекрасного пола, как ни странно, почувствовал сильную истому, разливающуюся по всему телу. Хотя надо сказать, полуночной, напряженный образ жизни следователя заметно для его сорокалетнего возраста сказывался на его интимных отношениях с законной супругой. «Вот это женщина! – подумал следователь. – Нимфа, как еще сказать.»

– Спокойствие, только спокойствие, – стал мысленно сопротивляться Степан Михайлович дурманящему воздействию Светланы. – Надо сделать вид, что я во власти ее очарования, и, пока Сергей готовит кофе, уединиться с ней в его опочивальне и немного пошушукаться.

– Светочка, – елейным тоном пропел Степан Михайлович, – давай не будем отвлекать Сережу от приготовления волшебного напитка, он вот вот закипит. Иначе он вспенится и расплескается по всей плите, а это плохая примета.

– Ха-ха! Давай.

Степан Михайлович встал, вышел из кухни и жестом увлек Светлану в спальню писателя. Войдя в спальню специально первым, Степан Михайлович сразу, как бы невзначай, плюхнулся в пухлое глубокое кресло, стоявшее возле ночного столика. Светлану он галантно пригласил присесть в кресло напротив. Затевая непринужденный разговор о всякой ерунде и вставляя в него ежесекундно безобидные шутки в адрес Сергея и Светланы, не забывая и себя, Степан Михайлович, закинув ногу на ногу и то и дело смакуя затягиваясь сигаретой, игриво скосив глаза, раскрутил, точно ребенок играет с волчком, лежащую на ночном столике массажную расческу, давно ожидающую свою неизвестную хозяйку. Изящная вещица закрутилась, застрекотала на гладкой поверхности столика, словно лопасти пропеллера, так быстро, аж зарябило в глазах.

– А, Вы, шалун! – улыбаясь, заметила Светлана.

– С детства мечтал стать вертолетчиком, или нет пилотом геликоптера! – заносчиво поправился Степан Михайлович, рисуясь перед очаровательной блондинкой.

– Хва-стун! – весело отмахнулась Светлана, любуясь стремительным вращением. – Все Вы мужики одинаковы.

– Бах-бах-бах, – загремела, завибрировала по столику расческа, замедляя свое вращение.

– А вот и кофе! – по-хозяйски бесцеремонно вторгся в спальню Сергей, держа в руках серебряный поднос с дымящимся в чашках напитком. – Ай-яй-яй! Не успел я заняться кухней, как они уже в уединении воркуют как голубки, – иронично заметил он.

– Ой, Сережа, а я обыскалась! – вдруг побледнела Света, уставившись в сторону ночного столика. – Это же моя любимая расческа, подарок мамы, – соврала она последние два слова. Губы ее затряслись, от нее повеяло холодом, в глазах появилась ненависть, которые как бы говорили, что окружающие мешают ей совершить спасительный, пусть даже дьявольский обряд. Она судорожно протянула руку. Но следователь Воронцов, внимательно наблюдающий за ней, опередил ее. «На ловца и зверь бежит», – мелькнуло у него в голове. Теперь спасительная вещица была в его крепких руках.

– Отда-а-ай!!! – разнесся по квартире гулким эхом пронзительный крик Светланы. И тут же, – я прошу тебя отдай, – умоляющим, безвольным тихим голосом произнесла она.

– Отдам не все. Сначала правду, – невозмутимо и спокойно ответил следователь. – Квартира на Садовой?…

– Да, да это я. Это я ЕГО убила. У меня в сумочке был фен, такой французский маленький, знаете, – сбивчиво заговорила длинноволосая блондинка. – Я ЕГО сначала напоила, уложила спать, а потом два проводка к рукам и в электросеть. А старичок, того, попался задиристый, на ладан дышит, пора о душе думать, а ему лоху тупоголовому, бабу молодую подавай… – руки Светланы затряслись мелкой нервной дрожью, глаза покраснели и забегали из стороны в сторону.

Четко следуя криминалистической тактике, следователь без труда расположил подозреваемую Светлану к даче правдивых показаний и признанию в убийстве кассира общака Зеленова, что было сразу соответствующим образом запротоколировано. Очаровательная блондинка оказалась вовсе не Светланой Белкиной, которой представилась доверчивому писателю, а залетной путаной Ольгой Васько. Она назвала некое криминальное авторитетное лицо по имени Петр Сергеевич, по наводке которого совершила это ужасное преступление. Ею были названы и иные лица, причастные к делу, и места их наиболее частого появления. Нити преступных связей потянулись к западным соседям, некогда бывшим с Россией в одном союзе. Из подробного рассказа подозреваемой отчетливо вырисовывалась борьба между преступными кланами…

По окончании допроса следователь сдержал свое слово и положил перед болезненно угнетенной и побледневшей блондинкой два маленьких размером чуть больше рябиновой ягоды полиэтиленовых шарика. Внутри каждого находился спасительный для женщины белый порошок. Светлана немедленно дрожащими руками достала из сумочки обычный парфюмерный набор, раскрыла его и высыпала на зеркальце содержимое полиэтиленовых шариков. Разделив его на восемь «дорожек», женщина через свернутый в трубочку клочок газеты стала нетерпеливо втягивать в себя через нос долгожданный наркотик. Через несколько секунд под действием порошка с лица Светланы начала сходить синюшная бледность, уступая место прежнему здоровому румянцу. Она расслабилась. Ее лицо выражало счастливую отрешенность от суетного мира.

«Восемь доз за раз, – отметил про себя Воронцов, – ну и глубоко же ты, голубушка, завязла в этом болоте. Тяжело же будет тебя оттуда вытащить…»

Воронцов встал и отдал распоряжение о задержании Белкиной (Васько). Вся душа его ликовала от успешно проделанной работы, хотя он и чувствовал огромную усталость в теле.

Сказались последние бессонные ночи, давал о себе знать застаревший радикулит. Дожидаясь дежурной машины, Воронцов медленно прохаживался взад вперед по комнате, задерживая свой взгляд на вокруг стоящих книжных шкафах, и отвлеченно размышлял, предвкушая 15%-ную надбавку к небольшому окладу за мастерски раскрытое преступление силами следствия. Он азартно ежеминутно тер ладони и самодовольно улыбался. «Вся жизнь построена у меня по расписанию… – думал он. – По существу, так и надо, нельзя раскисать, стоит только сделать себе поблажку и пиши пропало, заживо ложись в гроб. Он вспомнил любимые строчки Лермонтова, созвучные его душе:

Я каждый день Бессмертным сделать бы желал как тень
Великого героя и понять Я не могу, что значит отдыхать!

Да, жить – это значит гореть, только так, не иначе! Сгорать до последней нервной клетки на любимой работе. Все верно, – подумал Степан Михайлович, – великий поэт напророчил ему судьбу, сколько себя помнит, отдыхать так и не научился. Только на первый поверхностный взгляд это дело казалось простым, обыкновенной бытовухой, а копнул поглубже и ниточка повела к известным бандитстким группировкам. Да, поначалу оно казалось кое-кому из моего начальства совсем темным, неразрешимой загадкой, а на поверку ларчик открывался просто, проще некуда, стоило только повнимательнее присмотреться к деталям. Он всегда утверждал, что разгадка самых запутанных дел в большинстве случаев лежит на поверхности, как тут не вспомнить знаменитый рассказ Эдгара По «Потерянное письмо»! Так бывает, правда, не всегда, но повторяю, в большинстве случаев стоит только потянуть за ниточку и развяжется весь клубок. В данном деле ниточкой, за которую следовало потянуть, были женские волосы, найденные в квартире Зеленова. Найдя их и установив хозяина печатной машинки, отыскать даму которой они (волосы) принадлежали не составляло большого труда. Нужно было только понадежнее расставить сети, что он и сделал. Короче это была задача не со многими неизвестными, а с одним, что намного облегчило работу следователя. Раз были известны А и Б, Икс – можно было запросто вычислить. Что же касается нашей милой Блондинки, то ее как всегда подвела обычная женская слабость постоянно прихорашиваться и придавать особое значение своей внешности. Она считала себя неотразимой и имела одно единственное хобби влюблять в себя мужчин. Результат – забытая на месте совершения преступления расческа. В каждом деле есть своя изюминка и своя случайность. Привычка – вторая натура и она помогла ему поймать рыбку на крючок. Он вспомнил оригинально сделанную массажную расческу с секретом. Сначала она привлекла его внимание своим замысловатым узором ввиде змеиной головы, которая напомнила ему похожую татуировку у него на плече. В юности делаешь много глупостей. Рассматривая и крутя в руках расческу и по привычке играя как школьник, он резко нажимал на ее подушечку со свистом выпуская из нее воздух. При очередном нажатии на тыльной стороне расчески внезапно открылась потайная крышка с изображенной змеей и из нее выкатились шарики. Это были те самые шарики, два из которых он несколько минут назад дал Светлане…

– Степан Михалыч, карета подана! – иронично заметил, войдя в комнату, дежурный водитель Захаров.

– Ну, что же, – радостно воскликнул Воронцов, – больше тут оставаться нет смысла, едем. Выводите задержанных! Отвезем в следственный изолятор Киреева и Белкину.

Следственная бригада с задержанными вышла на вечернюю улицу. Вся дорога от подъезда до дежурного «уазика» была усеяна красными и желтыми листьями. Накрапывал нудный дождь. Неожиданно, ослепив их фарами, мимо на бешеной скорости промчалась черная

«девятка». Послышались два легких хлопка. Светлана вскрикнула и прижав руки к груди упала на мокрый асфальт. Она не дышала…

12

На следующий день в половине двенадцатого следователь Воронцов после совещания у прокурора о вчерашнем ЧП пришел в ИВС (изолятор временного содержания).

– Степан Михалыч, вот ваш подследственный Киреев! – ввел в комнату допросов дежурный изолятора Коржов по-мальчишески робеющего писателя, за ночь постаревшего на десять лет.

– Ну, здравствуй, творческая душа! – приветливо и многообещающе протянул руку Сергею следователь. – Впредь повнимательнее выбирай себе знакомых! Ты признан непричастным к делу. Ты свободен!..

Сентябрь 1996 года

Жизнь кувырком[3] (криминальный рассказ)

Сергей Распопов
Игорь Фатхуллин

Снег повалил сильнее. Пронизывающий до костей ветер гнал по небу свинцовые тучи. Вот он, налетев с шаловливой резвостью, нарушил извечную тишину старого кладбища. От отогнутых прутьев ограды тянулись припорошенные снегом следы, которые заканчивались у могилы. Снег с надгробия был сброшен, и на мраморной поверхности его четко выделялась своим рельефом хризантема. Мужчина, стоящий возле могилы, зябко поежился, поднял воротник пальто.

«Прости, милая!» – произнес он тихим голосом, грустным взглядом окинул скорбного ангела и положил на белый мрамор плиты дюжину алых роз. Затем широким шагом направился прочь. Та женщина, к которой он приходил, снова осталась в одиночестве: мертвое – мертвым живое – живым. На гробовом ее памятнике значилось: Маркина Инна Васильевна, 1964 – 2002. Только одно имя осталось от человека – маленькая горстка пыли в безбрежном океане памяти.

Не дойдя до кладбищенских ворот, Маркин опустился на скамейку, что стояла под большой елью, снял шляпу, развязал галстук. Щемящая тоска сдавила его сердце. Он достал из кармана сигареты и глубоко вдохнул в себя ароматный дым «Мальборо».

«Никуда не годится так раскисать!» – подумал Валерий, хотя его не покидало ощущение близкой катастрофы. Это тревожное чувство угнетало его всю первую половину сегодняшнего дня. А сейчас оно сделалось еще острее. Маркин поймал себя на мысли о смерти. Он думал о ней все предыдущие три дня. С того самого звонка в входную дверь его квартиры. Это был очень странный звонок.

В пятницу утром, в семь часов, он брился в ванной, когда в дверь позвонили. «Кто это может быть в такую рань?» – раздраженно подумал Валерий. Его друг Митька Морковников, такой же, как он, художник, перебивающийся от заказа к заказу, свободная личность, богемный острослов, не мог к нему прийти. Это он знал точно. Потому что неделю назад Димка, споткнувшись на крыльце дачи очередного заказчика, у которого он расписывал стены в стиле «модерн», сломал лодыжку и сейчас он лежал на вытяжке на ул. Пирогова в земской больнице. Тогда кто же мог к нему заявиться в такую рань?

Выскочив с намыленным лицом из ванной, он спросил: «Кто там?» В ответ ни звука. Это его насторожило. Он бросился в спальню и достал из ящика трюмо наган. Дрожащими руками вставил обойму. На его лице выступил мелким бисером пот. Маркин не был трусом, но не минуло и месяца с того дня, как был застрелен Яков Поляков, преуспевающий тридцатилетний бизнесмен, живший с Валерием на одной лестничной площадке. Поздним вечером, за час до полуночи, Яша подъехал к дому на своем шикарном «мерсе». Ничего не предвещало драмы. Не дойдя до собственной квартиры нескольких ступенек, Поляков был буквально нашпигован свинцом, выпущенным киллером.

И все-таки Валерий рискнул открыть дверь. С наганом чувствуешь себя если не героем, то по меньшей мере нормальным человеком. За порогом – ни души! Возможно, посетитель просто не дождался. Ушел….

Жизнь после кошмара с Поляковым вошла в свое естественное русло. Но тревога не исчезала, а, наоборот, стала его истошной болью. Вчера ему ночью опять приснилась Инна, она

[3] Рассказ опубликован в областной информационной газете «Ваш Шанс» в №19 – 21 за 2003 год. Главный редактор издания Золотоверхова Елена Николаевна.

его звала, о чем-то предупреждала. И сегодня он поспешил на свидание с ней. Он не посещал могилы жены, почитай, с похорон Полякова. Яшка покоится здесь недалече. Думал ли он о смерти? Предчувствовал ли ее? Говорят, что те люди, кому суждено покинуть этот мир, предощущают свой уход. Но только правда ли это? Может, все пустая фантазия? Досужий вымысел? Говорят, что человека охватывает невыносимая тоска, он мается, не находит себе места, суетится. За все берется и тут же начатое бросает. Так ли? Что переживала Инна в последние дни своей жизни? Спешила, как и все, жить? Маркин горько усмехнулся. Теперь, когда прошлое оживало перед ним со своей повседневной суетой, он все чаще вспоминал старую поговорку: «Время – лучший лекарь!»

…Он довольно быстро охладел к жене. Его интересы и ее были слишком различны. Он полностью посвятил себя работе, мозг его постоянно находился в творческом горении, свершениях, творческих поисках. Жена была совершенно другого склада.

Она была той бабочкой, которую прельщает только внешняя сторона окружающего мира. Она стремилась видеть в жизни один праздник и погибла потому, что реальная изнанка жизни груба, очень схожа с дерюгой, которою укрываются от холода в студеные зимние ночи. Как часто он слышал набившую оскомину фразу: лодка любви – разбилась о быт. Они продолжали делать вид, что в их жизни все в порядке, все по-прежнему. Но, оставаясь вдвоем, а это случалось все реже, старались не смотреть друг другу в глаза. Валерий мучился про себя, но упорно не хотел жену как женщину. Они продолжали спать вместе, в одной постели, но между ними не существовало ни физической связи, ни тем более духовной близости. «У тебя, муженек, все что осталось от мужчины – это усы!» – пыталась уязвить его Инна, когда находилась не в настроении. В последние дни перед смертью у жены появилась скверная привычка вымещать свое мелкое раздражение на нем. В тот раз он не вытерпел и ударил ее. Влепил звонкую оплеуху. Ему стало обидно за себя, за свой неудавшийся брак, что разваливался на глазах у обоих не по дням, а по минутам. «А ты, б…, не имеешь никакого права меня судить!» – кричал он в бешенстве.

Конечно, в этом бедламе были виноваты оба. Это стало ясно сейчас, по про-шествии полутора лет, а тогда он во всем обвинял жену – так легче жить, если рядом есть кто-то, на ком можно безбоязненно свалить собственную вину. Теперь он был уверен, что поступал так скорее для оправдания собственной совести. Же= на лицом и телом была хрупким ангелом. Она всегда отличалась непредсказуемым характером и какой-то болезненной ревностью, и это притом, что он сквозь пальцы смотрел на ее измены на стороне, на постоянный флирт с другими мужиками. Ему было наплевать, с кем она в постели.

Они все чаще ходили в гости или приглашали гостей к себе. «В свое уютное семейное гнездышко» – смеялся он, откупоривая очередную бутылку. Он приучал себя пить. Возможно, от безысходности, от безвыходного положения….Однажды он пригласил в гости Бориса и Ольгу – молодую чету.

– Они только недавно переехали в наш город, – пояснил он жене. – Ребята пока тут никого не знают, вот я и решил свести их с нашим кругом друзей. – Хорошо, – кивнула Инна. – А я позову еще две-три пары. – А где мы проведем уик-энд? Он задумчиво потер подбородок. – Не в квартире же. Она хоть и просторная, но все-таки маловата для нашего бомонда.

– На дачу приглашай всю компанию. Там есть бассейн и все прочее…

В субботу вечером Ольга и Борис прибыли к ним на дачу первыми. Он предложил им поплескаться в бассейне. Борису было лет двадцать шесть, Ольге – года двадцать два. Ольга оказалась маленького роста, с хорошенькой веснушчатой мордашкой. Она даже не пыталась скрыть своего восхищения, когда увидела роскошный бассейн. Маркин отправился плавать с гостями, а Инна осталась хлопотать на кухне.

Он с юной парой все еще плескался в бассейне, когда приехали остальные приглашенные. Инна вывела друзей в патио как раз в тот момент, когда молодые супруги и Маркин выхо-

дили из воды. Маркин тут же отметил про себя, что у Яшки Полякова глаза при виде почти нагой Ольги вылезли из орбит, и подтолкнул локтем Инну. Желтое бикини Ольги оказалось абсолютно прозрачным – с таким же успехом эта юная одалиска могла стоять и голая где-нибудь на диком пляже или в художественной студии. Ольга стянула с себя резиновую шапочку, и ее золотистые волосы рассыпались по плечам. Она тут же заявила, что ей необходимо переодеться….

Поздно вечером, когда все уже напились до чертиков, Борис вдруг обратился к жене: – Послушай, кисенок, не пора ли позвонить нянечке? Узнай, все ли в порядке? Ольга повернулась к Маркину: – Откуда можно позвонить?

– Из моего кабинета, – сказал он, поднимаясь, – Идемте, провожу… Инна с трудом заставила себя не смотреть им вслед. Сидела как на иголках, не зная, что предпринять. Неожиданно Поляков подыграл ей. – Инна! – беспомощно развел Яшка руками. – У нас выпивка на нуле. Будь другом, приволоки что-нибудь. Пройдя на кухню, она незаметно для всех, проскользнула по коридору к кабинету Маркина. Дверь была чуть приоткрыта, из-за нее доносились голоса. Она заглянула в щелочку. Ее муж и Ольга стояли у письменного стола и оживленно беседовали. Их тела не соприкасались, но их разделяло не более нескольких сантиметров.

– Скажите, Валерий, – говорила Ольга, – как удается простому художнику так роскошно существовать? Двухэтажный коттедж с бассейном, пятьдесят соток прилегающих к нему угодий.

– Вы намекаете на то, что я живу не по средствам? – Ну, я не спрашиваю у вас отчета…

– Почему же, секрета никакого нет. Ко всему нужно прикладывать руки и голову. То есть – мозги. Дом мне достался от стариков, от матери и отца. Я достроил к нему второй этаж, когда появились деньги.

– Вы ведь поможете Борису, Валерий? – вкрадчиво промяукала эта симпатичная шлюшка, на которой, как сразу уяснил Маркин, штамп ставить было негде.

– Он у меня очень талантливый. Живописью занимается с детства… Валерий прекрасно изучил эту породу женщин. В отношении Ольги у него не было иллюзий. Он знал, что при первой возможности она постарается запрыгнуть к нему в постель.

– Помогите ему выбиться в люди, организовать собственную выставку. Помогите ему стать своим человеком в среде людей искусства. В вашей среде обитания. В вашем городе. Вы же это можете?

– Возможно, – ответил он. —Только ради вас… – Буду очень признательна, – промурлыкала Ольга и качнулась в его сторону, как будто оступилась на ровном месте. – Помогите же, ой, падаю… Он подхватил ее за миниатюрную талию. Их губы слились в поцелуе. Он принял ее игру: – Буду признателен, если еще раз предстанешь передо мной в своем бикини. – О да! И даже без него. О нет… – она вдруг, обернувшись, прикрыла рот ладонью. Смазливая мордашка исказилась от испуга…

Инна слепо кинулась по коридору. Глаза ее заволокло слезами. Пробежав через нижнюю веранду, она вылетела из коттеджа и вскочила в свою «Хонду»… Маркин сзади что – то истошно кричал, пытаясь ее остановить. Но жена словно ополоумела. Она мчалась на дьявольской скорости, более двухсот километров в час. Она даже не заметила, что выскочила на незнакомое шоссе, где прямо в лоб ей шел тяжелый бензовоз.

В последний миг, возможно, она и поняла, что слишком стремительно мчится навстречу своей смерти. Пытаясь избежать столкновения, Инна вывернула руль вправо и нажала на тормоз. Ее зеленая «Хонда» по инерции проехала еще два десятка метров. Ровно столько, чтобы свести счеты с ее жизнью. Огненное пламя вырвалось из-под бензовоза, и поглотило обе машины.

Ехавший за нею Маркин видел, как за секунды до взрыва выскочил водитель проезжающего мимо грузовика, парень лет двадцати, с обезумевшими от ужаса глазами. Пытаясь обма-

нуть смерть, он бросился бежать к оврагу. Он почти пересек шоссе, когда огненный смерч разметал и его. Такого ада Маркин за всю свою жизнь не видел. Он склонил голову на руль и заплакал….

Быстро летит время. Оно лечит любые, самые незаживающие раны.

Потихоньку зарубцевалась рана и на душе у Маркина. Он все чаще утешал себя мыслью, что трагический случай с Инной, был предопределен свыше. «Так, видно, было угодно богу, – корил он себя, когда оставался один в опустевшей квартире, – Он забирает к себе самых лучших, только пустоцвет не нужен никому» И чувствовал при этом облегчение, хотя чувство вины не покидало его ни на минуту. Под пустоцветом он, конечно же, подразумевал себя.

Спустя три недели после смерти жены Маркин впервые в жизни напился до чертиков. Это произошло в субботу, а в воскресенье – впервые переспал с проституткой. Секс – лучшее лекарство от стресса. Долго оставаться без женщины он не мог и не хотел. Аскетизм был ему внутренне чужд: он шел вразрез с его темпераментом. Да и кто бы взялся его судить сейчас, когда он по воле страшной случайности сделался вдовцом?

Питался Валерий последнее время в ресторанах и всевозможных забегаловках. До полуночи засиживался в барах, пытаясь забыться, но образ покойной постоянно преследовал его. Даже во сне. Гнетущее чувство раскаяния настигло его слишком поздно. Оно грызло его изнутри, но не позволяло ничего вернуть назад. Если бы он мог хотя на минуту вернуться в прошлое…

От этих мучительных мыслей ему хотелось биться лбом об стену… Любовницу найти несложно. Так, Александра, она приходилась Маркину свояченицей, смазливая и бойкая бабенка, часто намекала, что согласна его утешить. На тайные встречи с ней он не решался. Была в ней какая-то душевная нечистоплотность. А более всего он боялся, что грязные сплетни о нем волной потекут по городу и дойдут до его пятнадцатилетнего сына. По опыту знал: свояченица не держит язык за зубами…

Возвратившись с кладбища, Маркин не знал, как убить время, куда себя деть. Он налил себе виски, вышел к бассейну, и, усевшись в шезлонг, вытянул ноги и закрыл глаза. События прошедшей недели нахлынули на него.

Вдруг послышался шум приближающегося автомобиля, а вскоре задребезжал звонок входной калитки. Он не шелохнулся. Ему не хотелось никого видеть. Но вскоре в доме послышались шаги, затем кто-то произнес:

– Валерий, ты где? Он вздрогнул, услышав голос свояченицы. – Я тут, Шура, выходи к бассейну…

– Почему ты не подошел к калитке? – удивленно спросила она. – Не думал, что это ты. Иначе обязательно подошел бы… К тому же, у тебя свой ключ. Ты здесь такая же полновластная хозяйка, как и я.

– Скучаешь?

– А как ты думаешь? – он поморщился, будто ощутил зубную боль.

– Закралось подозрение: не назвал ли ты полный дом зеленоглазых шлюшек, справив поминки по жене и вывесив над дверью красный фонарь?

– Ты же меня знаешь?

– Да, я знаю мужчин, – многозначительно заявила свояченица. и добавила: – Приезжай с сыном к нам завтра ужинать!

– С удовольствием.

– А кстати, как Андрей?

– Полагаю, нормально. Что ему сделается? Я записал его в секцию баскетбола. Поначалу он не был от этого в восторге, но сейчас страстно увлекся. Появились новые друзья. Похоже, он ими верховодит. Сколотил шайку таких же, как сам, тинэйджеров. Господи, что за слово?

Язык вывернешь. Мы в наше время просто именовались подростками. Но я счастлив, что он не один. А то он помешался на компьютерах.

– Что же в этом плохого?

– Плохо то, что любое физическое ограничение индивидуума приводит к ограничению умственному.

– Прекрасный довод современного отца. – Она искренне рассмеялась. – не думала, что ты у нас еще и философ. Александра приблизилась к нему вплотную и обхватила его за шею.

– Брось, пожалуйста, эти штучки! – мрачно сказал он и рывком снял ее руки с себя. – О, настоящий бирюк. По-моему, тебе сейчас нужна компания, – она подняла руки, чтобы поправить спутавшиеся волосы, и ее упругая грудь заколыхалась в такт движению. – Очень соскучилась по тебе.

– Нет, Шура, оставь… – судорожно выговорил он от того, что в горле жутко пересохло. – Может, у тебя проблемы с женщинами? – язвительно спросила она. —

– У меня нет проблем с женщинами, просто я устал.

Что ж, как хочешь, – разочарованно пожала плечами «роковая женщина» – Для меня это только акт милосердия. Сам знаешь! Он промолчал.

– Итак, ждем вас в половине восьмого. Не забудь. Она кошачьей поступью дошла до двери. Обернувшись, виновато произнесла: – Конечно, мне не стоило так к тебе навязываться…

Он посмотрел в синюю глубь бассейна и поймал себя на мысли, что хочется дьявольски хочется выпить. Но не водки, а пива. Он вспомнил, что у него на кухне, в холодильнике, имеется маленький запас «Очаковского».

– Андрей! – окликнул он сына, проходя мимо его комнаты. – Время подкрепиться! Жду!

В ответ ни звука. Тишина. Он взглянул на циферблат часов. Без двух минут полночь. А может, парень уже поел и видит десятые сны? Все возможно! Поздновато, конечно, для ужина, но сын никогда не отказывался разделить с ним вечернюю трапезу. Выпить стакан горячего чая и съесть большущий кусок холодной ветчины, обильно политый сверху кетчупом.

Он постучал в дверь комнаты сына. Сделал он так не из деликатности. А потому что не мог поступить иначе: в сердце Маркина вошло острой иглой обыкновенное беспокойство отца. Он заглянул в комнату сына. Она оказалась пустой. Он не стал ее закрывать. Решил, что оставит Андрею записку или поговорит с ним завтра утром, по-мужски. Да, народная поговорка не врет. «Маленькие детки – маленькие бедки, большие детки – большие беды.» Просто прямое попадание в цель.

На кухне ему бросилась в глаза записка, лежащая на столе. Тривиальное послание, предназначенное специально для него, гласило: «Папа! Я похищен. Моему здоровью пока ничего не грозит. Но если ты не выплатишь похитителям сто тысяч „зеленых“ в течение последующих трех дней, мое тело будет тебе доставлено в гробу. Прощай… Твой сын Андрей». И еще предупредительная строчка внизу: «В милицию не обращайся. С тобой свяжутся по телефону».

Это был удар ниже пояса. Предательский удар в пах, которого он совсем не ожидал. Его жизнь после всех треволнений только начала налаживаться. И вдруг, в один единый миг, все полетело к черту. «Человек – это звучит гордо!» – ворвалась в мозг избитая фраза великого пролетарского писателя. Маркин истерически захохотал. Он не мог остановить этот смех загнанного в угол идиота. Потом, окончательно выбившись из сил, опустился на корточки между буфетом и холодильником и затих. Он чувствовал себя маленьким, ничтожным, забитым существом. «Человек – это звучит гнусно!» – то и дело про себя повторял Валерий, не сознавая четко, что думает. – Подонки. Твари.!!» Да, он был жестоким к жене, сыну. Но он никогда не был бесчеловечной самовлюбленной мразью! Тогда за что такая кара? За что Бог пытается раздавить его? Он так просто не сдастся. И либо погибнет на поле брани, либо лягут

на нем эти недоделанные недоумки, сделавшие за какие-то секунды из него бомжа. Ублюдки! Не на того напали… Он, задыхаясь от ярости, медленно побрел к себе в кабинет.

В рабочем кабинете достал из бара бутылку водки, сел в кресло у письменного стола, и выпил залпом всю бутылку. Затем стал размышлять. Водка подействовала на него совершенно необычным образом: он расслабился, удобнее расположился в кресле и, казалось, задремал, но мозг его лихорадочно искал выход из тупика. Маркин просидел в кресле часа полтора с закрытыми глазами. Издалека очень смутно в его мозгу забрезжила разгадка дерзкого похищения сына. Он понял, что Андрей, пусть невольно, с какой-то стороны к этому похищению причастен. Вот только с какой?

Чтобы проверить свои подозрения, он подошел к столу и вынул из верхнего ящика ключ. Им он открыл сейф, который прятал под картиной Брюллова «Всадница». Сейф оказался пустым. Исчезли все золотые побрякушки, а с ними и десять тысяч «зеленых». Словно их корова языком слизнула. Об этих бумажках знали двое: он и сын. Как-то, по пьяному делу, сам проболтался Андрею. Сказал, что это деньги на черный день. Дурак! Хотел как лучше, а получилось как всегда. Конечно, в похищении замешаны кто-то из друзей сына. Прижали Андрея к стенке – он и раскололся. Может, били или пригрозили убить. А может уже…

Маркин почувствовал, как дрожь пробежала по спине… Нет, не может быть! В любом случае он с этими отморозками рассчитается! Сам. Сейчас уже неважно, что мальчишка им наговорил. Когда под задницей разжигают огонь – и здоровенные мужики сдают. Кому охота болтаться в грязном вонючем подвале с удавкой на шее?

Взгляд Маркина на миг остекленел. Как он раньше об этом не подумал? Он подскочил к столу и стал вытаскивать ящики один за другим и небрежно высыпая их содержимое на пол. «Не то, не то…» – шептал он, заметно нервничая и отбрасывая в одну большую кучу ненужный хлам. Вдруг взгляд его прояснился. Он нашел, что искал. Четыре небольшие фотографии, отснятые им лично. На них смеющийся сын вместе со своими друзьями. Андрюха со своими болванами охотно позировал ему. Было это в июле, три месяца назад. Вот они снялись возле дачи, неподалеку отсюда. Вот у бассейна… Паша Орлов, Леня Озеров, Олег Малко… Все вроде хорошие ребята, а сердцевина, самая суть их – гнилая… Он набрал хорошо знакомый ему номер. Дождался, когда на том конце сняли трубку.

– Здравствуйте, – сказал взволнованно Маркин. – Извините, что звоню в такое неурочное время. Да, я имею представление, что сейчас полтретьего ночи. Но моего сына нет дома. Понимаете, я не могу взять себя в руки, волнуюсь за него. Я сам не свой. Где он может болтаться? Где находится? Ему всего пятнадцать! А, на вашей даче. Это точно? Ясно, что не один! С друзьями? Нет, не надо им звонить. Спасибо за информацию. Спокойной ночи!

Теперь хоть что-то прояснилось. Он знал, что дача Орловых в десяти верстах от города. Это печальной памяти дом, в котором сам Орлов в недавнем прошлом едва не погиб. На дачу проникли воры. Сам хозяин оказался нежеланным свидетелем. Пришлось ему прыгать со второго этажа, чтобы спасти свою жизнь. В результате неудачного прыжка – перелом ключицы. Но жизнь, а это главное, он спас! А вот будет ли так счастлив и удачлив его сынок? Поглядим… Всякой человеческой падали слишком много живет на свете! Через пятнадцать минут Маркин покинул пределы своих сельских пенатов. Он выяснил, что Леня, Паша и Олег со вчерашнего вечера не были дома. Он знал, где всех их искать. А где один конец ниточки, там и другой. Он захвати с собой наган системы «браунинг» и две обоймы к нему. Ибо неизвестно, что может взбрести в их ослиные мозги. А жизнь единственного сына важнее жизней нескольких неудачливых придурков…

На загородной даче Орлова все как будто спокойно. Но это только на первый взгляд. На всякий случай он оставил свой «Ниссан» метрах в семистах от кирпичного двухэтажного коттеджа. Валерий сходу перемахнул через изгородь, секунд десять дал себе отдышаться. ОН здесь для того, чтобы правосудие восторжествовало! Он пришел, чтобы мстить! Он прислу-

шался и различил какие-то звуки. Изнутри коттеджа донесся неясный шум, в котором его чуткое ухо уловило чьи-то вскрики. Ему померещилось самое страшное. Вся эта недорезанная сволочь измывается над Андреем? Измываются или пытают малыша? Как спасти родную плоть? Родную кровиночку? Вытрясти из этих тварей душу?

Выбив стекло на первом этаже, он вихрем ворвался в дом. Первый, кто ему встретился на пути, был совершенно голый приятель Андрея – Леня Озеров. Что подумал несчастный отец при виде голого парня? Леня не успел ничего сообразить, как пуля, выпущенная из браунинга, попала ему в лоб. Леня упал как подкошенный. На выстрел выбежал из комнаты сам «хозяин» коттеджа, семнадцатилетний «плейбой» Павел Орлов. Он тоже был в чем мать родила. Две пули мгновенно разнесли бедняге череп. Из ближней комнаты послышался отчаянный вопль. Маркин бросился к двери, распахнул ее ногой и открыл огонь на поражение прямо с порога. Он не целился: ему было наплевать на всех, кто находился в этот момент в комнате. Он жал на спусковой крючок, пока не раздался щелчок, возвестивший о том, что обойма пуста. И только тогда перевел дух…

Глазам Валерия предстала мрачная картина: На двуспальной кровати лежал парень с кровавым пятном на спине. Из – под него высовывалась тоненькая ручка с колечком. И парень и девчонка были мертвы. Маркин, подошел к одру смерти и перевернул парня на спину. И тут из его гортани вырвался неистовый крик: – Этого не может быть! Не может быть! Андрей! Сынок! Он обхватил голову руками и сжал ее что было сил. Маркин не плакал. Он стонал, сначала тихо, потом завыл во все горло в смертельной тоске, и этот вой был похож на вой смертельно раненого зверя… Обезумевший отец в последний раз взглянул в лицо сына. Затем он достал из кармана сотовый телефон. – Алло! Милиция! Примите срочный вызов…

Он им все объяснил. С полчаса ждал их приезда, и, когда услышал характерную сирену милицейского патруля, выстрелил себе в сердце…

Единственным выжившим был четвертый участник этой «тухлой компании» – Шестнадцатилетний Олег Малко. Он каким-то чудом сумел улизнуть из комнаты и спрятаться на кухне. Парень во время следствия показал: афера с похищением Андрея Маркина была задумана и реализована самим Андреем. Потому что сынку провинциального Рубенса очень хотелось гулять по Парижу. И не одному, а со своей школьной подружкой – Катей Д. Очень ему хотелось покрасоваться перед девчонкой, показать из себя рубаху – парня. А папочка денежки зажал. Захотелось сыночку сытной, веселой, красивой жизни, короче говоря, праздника. Ведь юность самолюбива и не признает компромиссов…

Октябрь 2003 года

Зигзаги удачи[4]
(криминальный рассказ)

Игорь Фатхуллин
Сергей Распопов

1

Полная бледная луна пряталась за свинцовыми облаками. С севера дул сильный пронизывающий ветер. Никому бы в голову не пришло в такую погоду выходить ночью на улицу, да еще шататься в полнолуние – по дальнему сельскому кладбищу.

Чот достал папиросу и попытался ее прикурить, но порыв ветра загасил пламя. Он повторил попытку, но опять безуспешно. Он смачно выругался, припомнив черта, чего умные люди на кладбище никогда не делают, да еще после полуночи.

– Чот! Леший что ли тебя утащил? Живей тащи наше барахло, – раздался из темноты сиплый голос.

– Тут я, уже несу.

Он захлопнул дверь кабины и полез в кузов фургона. Отыскав вещевой мешок, он спрыгнул на землю и, закинув на плечо, косолапой походкой поспешил за бригадиром. Маленькое сельское кладбище густо заросло дикой малиной и вишней. Людям тяжело было продираться между могил сквозь раскидистый орешник. То там, то тут они натыкались на молоденькие осины. Сапоги вязли в раскисшей от сентябрьских дождей жирной кладбищенской земле.

– Стойте! – властно рявкнул бригадир. – Незачем ходить дальше. Вот хорошая могила. Начнем с нее.

Чот с напарником как по команде остановились. Бригадир достал фонарь и осветил памятник.

– Забелина Ольга Николаевна, – вслух прочитал Чот. – Ну вот, мир твоему праху. Тыто нам и нужна. Сейчас мы тебя обработаем.

С фотографии улыбалось совсем юное девичье лицо.

– Всего 17 лет прожила, – сказал напарник Чота.

– Кончай разговорчики, – прошипел бригадир. – Чем скорее закончим с ней, тем быстрее похмелимся. Не нравится мне это место. Коттеджный поселок близко. Могут услышать.

Напарник Чота засуетился возле мешка, доставая электрокабель и две отрезные машины, именуемые в народе «болгарками».

Чот, потянув один конец кабеля, поспешил к автомобилю. Забравшись в кузов фургона, он подключил вилку к небольшой дизельной электростанции, запустил двигатель. Старый мотор пофырчал немного, словно не хотел стать четвертым подельником этой компании. Через полминуты он заклокотал и затрещал так громко, что у Чота заложило уши. Парень быстро выскочил наружу и плотно прикрыл двери, чтобы грохот мотора не разнесся по округе и не разбудил чутких поселковых собак.

Он вернулся к могиле, там вовсю кипела работа. Надрывно визжали «болгарки», заглушая друг друга. Дорогой голубой мрамор не хотел поддаваться вандалам и покидать свое законное место.

[4] Рассказ впервые был опубликован в областной информационной газете «Ваш Шанс». Главный редактор издания Золотоверхова Елена Николаевна.

Вынув фонарь, Чот обошел могилу по периметру. Роль ограды здесь выполняли тяжелые золотистые цепи, подвешенные на пяти черных столбах. От предвкушения легкой наживы вор алчно потер ладони, стоя возле короткой цепи, которая закрывала вход на могилу.

В руках его искусно заходила ножовка. Первые металлические опилки обсыпали ладонь. Свет фонаря обнаружил, что он в этот раз обманулся. Цепь оказалась стальной с бронзовым гальваническим покрытием.

– Эх, япона вошь, – выругался раздосадованный вандал, – для такой красавицы девчонки родственники денег пожалели. – И он рьяно принялся за следующую цепь.

Теперь ему повезло. Кладбищенский вор радостно оскалился. На его ладони маленькими звездочками заискрилась настоящая бронза. Он, словно истинный трудоголик, вошел в азарт и поднажал.

Натужно воя и пробуксовывая, аварийка подпрыгнула на последнем ухабе проселочной дороги и выехала на шоссе. Теперь она пошла легче и быстрее, без сильной тряски.

Ее пассажиры успокоились, пришли в себя. Все напряжение воровской работы было позади. Бугор аварийной бригады вслух стал подбивать выпавший им за эту холодную ночь общий барыш.

– Молодцы, браточки, – похвалил он подельников, подсчитывая на калькуляторе причитающуюся каждому долю. – Славно поработали. Шесть плит за ночь сдернули и четыре цепочки килограммов по полсотни. Это на две плиты больше, чем в прошлую пятницу.

– Шесть плит на троих – это выходит по две на брата. Покойничкам и то по одной достается, – с сарказмом заметил Чот, крутя баранку.

– Ну уж на твою могилу, Чотушка, и одной не поставят, – усмехнулся бугор.

– Это почему ж не поставят? – обиделся Чот. – Что я не достоин? Разве я – кобель безродный, что ли?

– Пока ты загнешься, все твои братья в тюряге сгниют. А ты, если дураком не будешь, проживешь на воле с кубышкой до ста лет. И здоровье у тебя есть. Вон шея какая бычья.

Бугор добродушно похлопал Чота по мясистому загривку.

– Ты у нас рыжий, а рыжим всегда в жизни везет.

Аварийка подрулила к частному дому на окраине города. Бригада сгрузила добычу в гараж и пошла в дом обмывать воровскую удачу.

Из-за тучи в полдень выглянуло осеннее солнце, радуя горожан последними скупыми лучами. Люди жмурились от ярких желтых листьев, устилавших тротуары. Настроение у Чота было приподнятое. Сегодня он был при деньгах и важной походкой направлялся к своей знакомой Верке Горбатой.

У нее на квартире часто собиралась шумная веселая компания, где каждый желающий мог с девками и за картами с удовольствием промотать свои деньги.

Дверь Чоту открыла сама Верка, содержательница притона. Здесь у нее клиент мог заказать за деньги любые самые извращенные удовольствия. Но если он нарочно начинал играть не по установленным тут правилам, его ожидали большие неприятности. Его могли запросто подставить, то есть сдать ментам за темные делишки, сунуть перо в бок или поставить на кон его жизнь или задницу.

Чот подумал, что он посещает эту «малину» почти год – с ним давно могло тут приключиться всякое, но дьявол, которому он служит, пока хранит его. И парень переступил порог этой квартиры.

Он передал хозяйке сто рублей, символическую плату за посещение ее притона, и она их тут же, вероятно, трясясь от мысли, что он может передумать и уйти, положила в карман широкого платья – халата.

«Уродина!» – обозвал про себя хозяйку Чот, не только в переносном смысле, но и в прямом. Непропорционально огромная голова, с длинными светлыми лохмами и хищным клювом – носом, на очень тонкой шее, которую только стоит коснуться пальцем, и она сломается, была прикреплена к тщедушному тельцу 12 – летнего ребенка, с безобразным горбом на спине. Это при том, что Верке всего 30. Но выглядит она полной старухой. Почему-то всегда карлики и лилипуты (а в хозяйке этой чертовой квартиры едва было метр двадцать) выглядят старыми младенцами – от драмы, что была в их жизни, или по другой причине никто не знает?

– Ну! Кто сегодня у тебя? – спросил небрежно Чот, хлопнув хозяйку по маленькому мальчишескому заду.

Женщины всегда остаются женщинами, и внимание мужчины к такому невзрачному существу, как Горбатая, заставило ее вприпрыжку влететь в одну из комнат, будто у нее от радости выросли крылья.

– Сегодня у нас посетителей мало. Сашка Жук, да Журналист. Они засели за покер и с 9 утра режутся. Журналист почти полностью проигрался и все водки просит. На нем только трусы и майка остались. Обещался к часу Вовка Смирнец заглянуть, да что-то задерживается.

– С бабой, наверное, объясняется после вчерашней попойки. Баба его – зверь: судья и полицейский в одном лице. А из девок у тебя кто сидит?

– Одна Маринка только.

– Да, негусто. Скверно, мать твою.

– Зато она никому не отказывает, – заступилась за девку Верка Горбатая, – сделает все по первому классу, что только ни пожелаешь.

– Хочу водки.

– И все?

– И девку.

– Ты знаешь, Чот, у меня за все деньги вперед.

Чот вынул толстую пачку «деревянных».

– Вот это другое дело… Водки Чоту! – крикнула Верка и на пальцах объянила своему помощнику и телохранителю глухонемому Славке, что он должен сделать.

Чот, пропустив первую стопку, не удовольствовался ею. За ней пошла в глотку вторая, третья… И вот он почти в норме. Чувство сладостной дружелюбности и любви ко всему живому охватило все его существо. Чот даже взял на руки и приласкал хозяйкину кошку Дусю, хотя будучи трезвым и от этого всегда злым не раз и не два бил этих маленьких нежных животных ногами у себя в подъезде.

Журналист сидел понуро, выжидая, когда Чот наберет свою алкогольную норму.

Клиент уже был хорош, когда к нему вышла Маринка, в красно – черном купальнике.

– Не желаешь ли девочку? – спросила хозяйка.

– Какая же она девка? – усмехнулся он.

– В самый раз для тебя. Все сделает.

Маринка подбежала к парню и повисла у него на шее.

– Ты не бросишь меня никогда? – напрямую спросила она. – Я давно ждала тебя, мой милый.

Чот, окосевши, обнял девку за талию.

– Давай сыграем в секу? – предложил Журналист. – Мужик ты или не мужик?

– На хрен мне эта игра, у тебя все карты крапленые, – отмахнулся Чот.

– Ну давай сыграем, Чот, – взмолилась Маринка, – я поставлю на кон свои пятьдесят рублей. – Она вынула деньги из бюстгалтера.

– Ну если ты просишь, зайка моя, – похабно тиская девку, согласился он, – давай сыграем.

Игра пошла. Карты стали раздаваться. Чоту три кона везло. Он сбил слета триста рублей. Очень обрадовался и возгордился своим уменьем, подбадриваемый комплиментами Маринки.

За игрой он не замечал времени. В комнате появились новые люди, которые с интересом следили за азартной игрой. Чот разошелся в пьяном угаре и начал, просадив все деньги, играть в долг. Но карта не шла, тузы, как нарочно, не попадали ему в руки, а хитрые комбинации и слежка за игрой ему не помогали, поскольку он был сильно пьян. Он лез в долги все больше и больше, обещая вернуть все в ближайшее время.

Сильный стук в дверь, подобный толчкам землетрясения, разбудил Чота. Он протер глаза, которые едва отыскал на опухшем от недельного запоя лице.

– Кто там? Чего надо? – крикнул он с койки, на которой лежал.

– Я, Журналист. Открой, Чот. Дело небольшое к тебе есть.

Чот медленно спустил ноги с койки на пол, посидел полминуты, тряся головой, пытаясь прийти в себя и сориентироваться, где находится дверь. Рукой он ощупал край стола, пытаясь найти водку. Но водки не было.

– Чо-от, я несу тебе похмелиться, – раздался из-за двери искушающий «больного» человека голос.

Хозяин квартиры шатающейся походкой доковылял до двери, сдернул щеколду и тут же полетел назад, получив удар в челюсть.

– Скотина, когда ты будешь расплачиваться? – закричал Журналист. За его спиной стояли трое крепких амбалов.

– За что? – спросил Чот, выплюнув два передних зуба.

– Как за что? Где деньги?

– Какие?

– А карточный долг? Забыл? На тебе, мурило, четыре куска висят.

– Не помню.

Еще удар в живот, и Чота вырвало, чуть не вывернув наизнанку. Из глаз брызнули слезы и носом пошла кровь.

– Я тебя предупредил, дерьмо. Даю сроку два дня. Не вернешь – тебе хана. Ты нас знаешь…

Через два часа должник, очухавшись, едва дополз до телефона. От этого звонка сейчас зависела его жизнь…

2

Почти до первого проблеска зари я разглядывал картинки в иллюстрированном порноиздании, пока журнал не выпал у меня из рук.

Сон мой был глубокий, сумбурный, отрывочный. Одна сцена сменяла другую.

Мне снился Рай. Я входил в его чудесные врата.

– Ты кто? – властно спросил меня Апостол Петр, гремя ключами.

– Сергей Никонов, – робея, ответил я.

Взглянув на меня сурово из-под густых сросшихся бровей, он быстро пролистал книгу моей жизни и сказал:

– Ты не сильно грешен. Можешь проходить.

Пройдя беспристрастный суд Апостола, я теперь ведрами ел золотые яблоки и часами занимался плотскими утехами с юными отроковицами, которые в земной жизни остались девственницами.

Среди одной из них я узнал свою знакомую – недавнюю покойницу Таньку Петрову. Сидя на суку золотой яблони, вся обнаженная, она расчесывала свои длинные волосы и пела песню любви и радости Новой Жизни.

Я потянулся к пышному нетронутому телу своей бывшей одноклассницы и тайной платонической любви, ответ на которую я не смог получить на Земле. Но она, как я не тянул к ней руки, оставалась для меня недосягаемой.

Неожиданно из-за облаков Седьмого неба появилась яркая радуга, которая через мгновение превратилась в большую уходящую за горизонт дорогу.

У края этой дороги я увидел сгорбленную фигурку своей бабушки. Теплое чувство согрело мое сердце. Это была долгожданная встреча, о которой я и не мечтал.

Тело ее было окутано в белые надгробные ризы, но на голове ее я заметил шелковый рязанский цветной платок. Вот только шушуна не хватало.

– Бабушка! Моя милая, любимая бабушка! Почему ты остановилась там, между Седьмым небом и Райским садом? Почему ты не желаешь подойти ко мне поближе? Я почти забыл твой облик, но я так по тебе соскучился. Прости, бабушка, за мою скверную память. Молю тебя, спустись ко мне!

Она молча исполнила мою просьбу. Теперь я мог различать черты ее лица. Но даже и сейчас нас разделяло значительное расстояние – около 20 метров.

– Подойди еще ближе, пожалуйста, – сказал я, – чтобы можно было коснуться тебя, как в детстве, снова погладить каждую морщинку возле твоих глаз.

– Нет, – бабушка отрицательно махнула рукой. – Ближе подойти я не могу. Мне это запрещено.

– Но почему нельзя? Кто придумал такой нелепый запрет?

– Небесные силы свыше, – ответила она.

– Не может быть, – в отчаянии закричал я, – я верю в справедливость Бога!

– Бога, Бога… – повторило за мной райское эхо…

Я проснулся и вернулся в реальность. Мой мозг раскалывался, силясь объяснить пережитое. Но через несколько минут я успокоился, неожиданно вспомнив народное поверье: если умерший родственник не подходит к вам во сне, то вы еще немало поживете на этом свете.

Так непонятно начался мой новый день.

…Аварийно-техническая машина ГАЗ-53 мчалась со скоростью сто километров в час по широкому, заново отремонтированному шоссе.

– Когда мы будем на месте? – нетерпеливо спросил я Чота. Дрожащий голос с легким заиканием невольно выдал мое волнение.

– Минут через двадцать, самое большее через полчаса, – ответил он спокойно.

В отличие от меня Чот всегда был спокоен, что прямо говорило о его непревзойденном умении владеть собой в любой ситуации.

«Человек с железными нервами, – думал о нем я. – Что касается меня, то мое поведение ни в какие рамки не укладывалось. В данной ситуации я вел себя как идиот, если не сказать больше. Что меня подтолкнуло сегодня довериться Чоту и сесть к нему в машину? Что меня заставило ввязаться в очередную авантюру? Слепая уверенность, что намеченные планы сбудутся? Внутренний голос подсказывал мне, что на сей раз все будет иначе. «Наверное, Чот в этот раз провел меня, – не переставал сомневаться я, – пригласив только одну бабу для себя. И мне теперь, как последнему дураку, придется на него батрачить, то есть произнести пару тостов в стихах, чтобы эту блудную девку завести. Потом весь пикник выдавать анекдоты, и, чем пьянее будет девка, тем анекдоты я должен буду травить более сексуальные и откровенные». Такое негласное правило существовало между мной и Чотом. Сам он – рассказчик в художественном смысле – паршивый, двух слов связать не может. Хотя врун отменный и в ссоре за матерным словом в карман не полезет.

– Не переживай, старик, – сказал Чот, – девчонки нас не подведут. Скажу тебе откровенно, я с ними договорился заранее. Они уже ждут нас. Наверное, уже и костер развели – шашлык готовят. Да и мы тоже не с пустыми руками к ним заявимся.

Еще садясь в машину, я успел разглядеть у него в фургоне ящик с водкой:

– Ого! Ну ты даешь, Лешка! Это же почти весь твой месячный запас!

– Бери выше, – небрежно бросил приятель. – Это запас за два месяца. Вот так-то.

Было ясно, что Чот заранее подготовился к пикнику и сейчас, похоже, он был весь поглощен предстоящей встречей с девочками.

– Девчонки, конечно, те же, что были в прошлый раз у тебя на вечеринке? – спросил я.

– Ты имеешь ввиду мальчишник у меня в июле?

– Да.

– Не все, но ты почти угадал. Во всяком случае Людка там будет. Я тебе обещаю. А ты на нее глаз положил, а, старик? Признайся честно.

– Да – а. Она девчонка ничего, – задумчиво промямлил я.

– Что значит ничего? – удивленно воскликнул Чот. – Ничего – это пустое место. Сказать, что она ничего, значит не сказать самого главного. Людка – класс девка! А как она подмахивает, как горяча в постели, когда заведется! Ее почти не надо уговаривать. Конечно, она не красавица, но и не дурнушка. Важно, что она не дура. Девочка без предрассудков. А как она тебе сама показалась на этот счет?

– Что ты хочешь сказать?

– Повторяю, она без комплексов. Говоря по-мужски, если ты попросишь ее о маленькой услуге, она не станет ломаться. Это не в ее правилах. К тому же, как я заметил, извини, но я наблюдал за Вами весь мальчишник, и ты не остался равнодушен к ее мордашке. А? Скажешь не так? Что молчишь? Уснул, что ли? – Чот повернулся ко мне и увидел, что я сижу с закрытыми глазами, удобно расположившись на сиденье.

Наверное, он решил, что я немножко того, тронулся на радостях от предстоящей встречи с блудливыми девками. Ибо как я мог уснуть во время доверительного разговора между друзьями. Он ничего не сказал и устремил все свое внимание на дорогу. Я нарочно притворился спящим: мне хотелось погрузиться в приятные воспоминания о прошлом мальчишнике, хотя назойливое постоянно требующее ответа внимание Чота не давало мне времени отвлечься. Что-то он разговорился не кстати. Ну да черт с ним! Тем более что друзьями нас никак не назовешь, скорее приятелями, да и то с большой натяжкой.

«Интересно, – размышлял я, – что ему на сей раз от меня нужно? Чот не был человеком бескорыстным, он был из тех, кто за плевок готов был потребовать сотню, а то и вдвое больше содрать с человека и глазом не моргнуть. Совести у него с гулькин нос. Хотя девки от него без ума. Он любой вскружит голову. Вот и подумаешь, что такое любовь и сколько она стоит, если такая дрянь, как Чот, имеет успех у баб. Почему он так неожиданно решил пригласить меня на пикник? Какую цель он преследует? Ладно, не стану ломать голову, все скоро станет ясно. Сегодня все – таки счастливый день. Сегодня днем я приобрел книгу, за которой охотился целый год. И вот мне повезло, и еще как повезло, правда, детина в зеленой куртке запросил за эту тоненькую книжечку втридорога, аж восемьдесят «колов». Но после отчаянного торга, когда я уже махнул рукой и собрался уходить, детина уступил, и я купил эту книгу почти задаром. За полсотни…

А сегодня ведь восьмое число. Мои именины. День Преподобного Сергия. На небе ни тучки. Солнце по – летнему, может быть, в последний раз пригрело землю – матушку и отдало ей, кормилице, свою силу и ласку».

– Что ты там бормочешь? – поинтересовался Чот.

Я открываю глаза и возвращаюсь к действительности. Должно быть, я и в самом деле ненадолго задремал.

– Стихи, – говорю я и окончательно прихожу в себя.

– Ну ты даешь, – удивился Чот. – Я так и подумал, что ты стихи во сне сочиняешь. Слышу что-то такое про осень.

– Нет, это не мои стихи.

– Да?

– Одного поэта девятнадцатого века. Скоро мы приедем?

– А мы уже приехали. Выходите, пожалуйста, сэр! Ну, как вам здесь нравится?

Передо мною, насколько мог охватить взгляд, неожиданно открылась замечательная панорама среднерусской природы, достойная кисти живописца. И не только любителя. Это был заповедный уголок природы, вдоль и поперек исхоженный человеком, но тем не менее не потерявший своей первозданной красоты. Я невольно залюбовался лесом.

«Как жаль, – подумал я, – что не захватил с собою фотоаппарат. Возможно, некоторые из моих фотоснимков попали бы на городскую выставку, и, чем черт не шутит, я даже получил бы за них одно из призовых мест».

К сожалению, мудрые мысли, как и добрые поступки, приходят к нам поздно.

И все же надежда оставалась. Если нельзя заснять природу, всегда к вашим услугам карандаш и блокнот. И всегда имеется возможность рассказать о ней.

Деревушка, которая была недалеко от нас, носила звучное название Уткино, что соответствовало действительности. Вблизи от нее в низине находилось небольшое болотце, с которого то и дело взлетали в серое октябрьское небо дикие утки. Это место меня сильно притягивало. Мне хотелось посмотреть на этих вольнолюбивых красивых птиц поближе. И в то же время это болотце меня чем-то отталкивало и пугало-тогда я еще не понимал чем.

По имени деревушки прозывался и детский санаторий, который уютно расположился поблизости, – всего в двух километрах от того места, где мы с Чотом остановились. Санаторий, бывший барский дом, стоял значительно выше деревни, и до него нужно было тяжело подниматься по крутой, густо заросшей жимолостью горе. Деревня, естественно, находилась в низине, и только церковь Николая Угодника с очень высокой колокольней хорошо просматривалась с любой стороны.

– Нравится здесь? – спросил Чот.

– Еще бы! Классная местность!… А где же все? Где девчонки? Тут же никого нет. Может, ты меня не туда привез? Мы не заблудились?

– Да нет, именно туда куда надо. Я и сам удивлен, что их здесь нет. Мы же договаривались на шесть часов.

– Так где же они?

Глаза Чота беспокойно забегали, как у вора, уличенного на месте преступления. В первый раз в жизни я видел его таким растерянным и нервным. Что-то должно было случиться из ряда вон выходящее, чтобы он почувствовал себя, словно подвешенным над землей. Что бы он, этот привыкший командовать и верховодить еще в детстве всеми мальчишками нашего двора, мог чувствовать себя так неуютно и скованно от одного моего невинного вопроса? Чудес на свете не бывает. Но после того, что я прочел у него на роже, невольно в них поверишь. А может, это мне предупреждение?

Я никогда не был в числе его холуев, но привык относиться к нему с уважением. Покровительство, которое он мне оказывал, выделяло меня среди других его уважателей, среди его свиты. Я этим обстоятельством гордился, хотя в душе не мог не понимать, какой мелкий человек – мой покровитель. Кстати, я с детства жестоко расплачивался за это самое покровительство. Чот любил брать дань со своих подданных. Моя дань заключалась в том, что я почти каждый день обязан был приносить ему шоколадные конфеты, которые я тайно брал, говоря иначе – воровал у матери из буфета. Благо, что в те далекие дни они стоили не очень дорого,

и мама, зная о моей «шоколадной» болезни, покупала их намного больше, чем следовало. Если не было шоколадных конфет, Чот охотно брал дань леденцами. Главное для него было то, что я носил их ему совершенно добровольно, что красноречиво указывало на мою полную лояльность. Думаю, он в ней тоже не сомневался, иначе повел бы себя по отношению ко мне агрессивно.

Должен признаться, что покровительство Чота далеко не всегда спасало меня от насмешек и придирок ребят, а бывало и того хуже – тумаков. В окружении Чота я всегда чувствовал себя «белой вороной». По существу, я таковой и был. Чот, если бы захотел, мог сделать с каждым из нас все. Унизить так, что после хоть вешайся. Каждый из подростков боялся оказаться в глазах товарищей смешным – это-то и была та струна, на которой так хорошо умел играть он. В знании человеческой психологии ему не было равных, хотя в ту пору Чот был просто пакостным мальчишкой.

Он рос в такой шебутной и жестокой семье среди пьяниц и дебоширов, что ему приходилось от рождения изворачиваться среди взрослых и сильных, угадывая их настроение, чтобы выжить. Поэтому тонкости человеческой психологии он чувствовал интуитивно с ранних лет. Мне могут сказать, что надо отстаивать свое достоинство до конца, что нельзя уступать никому, никаким Чотам, даже если они занимают более высокое положение, чем ты, то есть «вышли в люди». Что надо с ними рвать немедленно и навсегда, чтобы они ни обещали и как бы лестно их предложение ни прозвучало. Все так. Согласен. Но как поступить, скажите парню, как не пойти на сделку с собственной совестью, если он страдает последствиями церебрального паралича. Если даже ходить, как нормальный человек, не может. Как быть в этом случае? Не знаете, что ответить? Так я скажу…

Чот, по крайней мере, не давал меня в обиду из ста случаев в пятидесяти, за что я ему благодарен. Потому что на его стороне была сила. Физически Чот был развит лучше других ребят, в свои пятнадцать он запросто, словно мячиком, играл полуторапудовой гирей, что приводило в бешеный восторг всех парней его команды. В среде пятнадцатилетних хорошие физические качества товарища всегда являются решающим аргументом. Считалось, что своим авторитетом Чот был обязан также и старшему брату Олегу, который в ту пору вернулся из мест не столь отдаленных, отсидев три года за участие в какой-то драке. Чот очень не любил, когда его расспрашивали о брате, и резко обрывал любого из нас, кто из глупого любопытства пытался влезть ему в душу. Таких он бесцеремонно посылал куда подальше. И правильно делал. Я на месте Чота поступал бы точно так же.

С той поры прошло десять лет, но вряд ли Чот изменился в лучшую сторону. Портрет человека, которого я обрисовал, не вызывает никакого доверия, и все же я с Чотом поехал. Я подозревал, что Чот что-то задумал. Но что? Узнать бы. Интересно, что он предпримет через минуту, через пять минут?

– Знаешь, я решил, их надо искать, – сказал он. – Я чувствую, девчонки где-то поблизости. – И он пошел в сторону леса.

Я нерешительно последовал за ним. Я что-то предчувствовал.

«Может, стоит мне повернуть назад? Еще успею, если захочу, вернуться домой на ближайшем автобусе», – мелькнула в моей голове мысль, но только мелькнула, потому что я послушно шел за ним.

Вдруг Чот остановился.

– Видишь этот овраг? – спросил он.

Мы стояли на гребне высокого обрыва, окруженного густым молодым ельником. Внизу, под нашими ногами, вилась тонкая лента реки, а перед рекой поднимался густой бурелом из ивняка, сквозь который невозможно было пролезть.

– Там – болото, – объяснил Чот.

– Жуткое место, – поежился я, – свалишься, попадешь в зыбкую трясину и не выползешь назад.

Мы стали медленно спускаться с горы вниз к машине. Идти было очень трудно, то и дело ноги вязли в грязной осенней жиже. Я шел впереди, примерно в метре сзади меня осторожно ступал он. Его шаги были сильно схожи с легкой поступью дикой кошки, которая выслеживает добычу. Он то и дело останавливался и с непонятным мне страхом оглядывался по сторонам. Вдруг под его ногой хрустнула ветка. Я оглянулся. На меня в упор смотрели выпученные налитые кровью глаза Чота. В следующий миг его худые жилистые руки крепко держали меня за ворот куртки. Все, что произошло потом, длилось буквально считанные секунды. Счет в самом деле шел на мгновения.

Чот рванул меня на себя и что есть силы толкнул вниз с обрыва в овраг. Мой полет длился одну сотую долю секунды, но и ее оказалось достаточно, чтобы я успел закричать о помощи. Мой враг испугался. Лежа на спине, на дне оврага, я успел заметить смертельный ужас, отразившийся на его лице – лице зверя.

«Трус! Жалкий напыщенный индюк», – успел я подумать в то время, как он медленно приближался ко мне.

Буду умирать, но никогда не забуду страшных подробностей тех минут. Время, казалось, остановилось навсегда. Еще никогда мне не было так страшно, я не думал, что минута может длиться так долго. Этот человек боится того, что сделал. Клянусь, он пожалеет об этом. Но сейчас я должен воспользоваться его страхом и отыграться. Надо потянуть время. Сейчас это главное. Все остальное потом. Чтобы ни случилось, я должен взять реванш в этой патовой ситуации.

Я почувствовал огромное облегчение, когда понял, что Чот трусит, что он не решится на убийство, потому что кишка тонка, что смертельно боится ответственности, но еще и потому что у него нет времени. Самое большее чем он располагает – это минутой, двумя… Да, не больше. А за это время, если и можно убить человека, то нельзя скрыть следы преступления. Это ясно. Раз так, то единственное, что ему остается, это шантаж.

«Кажется, я просчитал его правильно, – сказал я себе и улыбнулся. – Что ж, раз так, я буду держаться до последнего».

Но все случилось совсем иначе. На деле все оказалось хуже. Никогда еще человек не измывался так над другим подобным ему существом, и никогда еще за всю свою недолгую жизнь, я не испытывал такого мучительного унижения. Негодяй опять сшиб меня с ног, едва я успел, схватившись слабыми руками за сломанный ствол березы, подняться с холодной, продутой всеми осенними ветрами земли.

Чоту не потребовалось больших усилий, чтобы совершить свое черное дело, поскольку жертва, то есть я, сама не проявляла никаких признаков сопротивления. Что это было? Малодушие или что иное? Но у меня руки не поднимались смазать ему по роже или схватить за горло, может быть, потому что все равно ничего путного из этого не вышло бы. Я только бы ухудшил свое и без того безвыходное положение.

Он начал раздевать меня как какую-то девку. Я смотрел, с какой осторожностью, я даже сказал бы, с нежностью, Чот отряхивал дорогие вещи, которые он снял с меня. В его глазах они, по – видимому, имели хорошую цену. И затем с особой тщательностью складывал их в пластиковый мешок. Я не сомневался, что такой же точно мешок приготовлен им и для меня, чтобы спрятать мой голый труп, а затем утопить в этой вонючей речке, которая спокойно текла в трех шагах от нас. Правда, речка слишком мелкая. Мешок будет виден с дороги, и какой – нибудь прохожий или просто мальчишки – рыболовы выловят его завтра утром, если только Чот не предпримет иных мер, чтобы замести следы. Возьмет оба мешка с собой – и прощай, Сергей Иванович. Тебя закопают где – нибудь, под столетним дубом в лесной глуши.

– О, какая небрежность! – воскликнул в эту минуту Чот привередливо. – Пуговка оборвалась, но ничего, пришьем. Разве можно так обращаться с дорогой курткой? Она же не наша – японская. Я за нее тысячи четыре в коммерческом магазине отхвачу. Японцы – народ аккуратный. У них все без сучка и задоринки…

– У них – да. А у тебя ничего не выйдет. Слишком большая ты мразь! – крикнул я и сам удивился, что у меня прорезался голос.

– Дурак ты, Серый, – ответил Чот спокойно. – Кричи не кричи, тебя здесь никто не услышит. Тут гробовая тишина. – И в подтверждение своих слов Чот схватил меня за голову, а потом что есть силы рванул назад. Я никогда еще не чувствовал такой боли. Небо померкло в моих глазах. Вскоре я совсем перестал что – либо ощущать…

3

Первое, что я увидел, когда открыл глаза, был яркий ослепительный свет, который лился из открытого окна, и белый потолок больничной палаты. Я попробовал повернуть голову и застонал, потому что сильная боль в шее неожиданно вернулась.

– Смотри, очнулся! Ну, значит, жить будешь, – сказал кто-то рядом. Этот со стороны ко мне нагнулся, и я увидел круглое лицо и смеющиеся губы человека, смотрящего на меня.

– Будем знакомы, – сказал он. – Меня зовут Александр. Можно просто Сашка. Фамилия моя Егоров.

– Где я?

– Ты в больнице. Сейчас мы одни в палате номер 13. Остальные на процедурах. Всего нас тут шесть человек. Компания собралась у нас дружная, скоро ты со всеми познакомишься. А пока что на, перекуси. Ты, наверное, есть хочешь? – и он подал мне яблоко.

– Давно я здесь? – не обращая внимания на сладкий фрукт, меланхолично спросил я.

– Дней семь будет. Тебя привезли восьмого. Ну и красив же ты был, я тебе скажу. Живой труп. Сам на себя не похож. Спасибо врачам. Они тебя выходили. А если честно, жизнью ты обязан Абрамычу. Это он тебя спас. Можно сказать, вернул с того света.

– Абрамыч – это кто?

– Это наш главный костоправ. Абрамов Петр Фомич – врач милостью божией, с сорокалетним стажем работы. Он тебя так восстановил, что теперь до старости доживешь. Это точно. Тебе лет-то сколько?

– 24. А Вам?

– Ну мне поболе, хотя тоже еще не старик. 5 мая 47 стукнуло. Ну, отдыхай. Не буду тебя тревожить.

– Скажите, что у меня с шеей, почему я голову повернуть не могу?

– Перелом шейного позвонка. Как ты ухитрился его сломать, понять не могу. Шея-то у тебя толстая, короткая. «Ошейник» у тебя там, потому и голову не повернешь. Да, тебе тут письмо. Три дня как пришло. От родственников, наверно?

– А что написано на конверте?

– Отправитель – Никонов И. П., город Подольск.

– Это отец, – обрадовался я. – Из дома.

– Так ты подольский парень. И каким ветром тебя к нам в Домодедовскую райбольницу занесло?

– Понятия не имею. Последние события помню очень плохо. Но Вы прочтите, что мне пишут. Я сам это сделать не в состоянии.

– Да неудобно как-то чужие письма читать. Может, ты сам прочтешь, когда шея заживет?

– Нет, сейчас. Я Вас прошу, читайте.

– Ну ладно, слушай. Отец, значит, пишет.

«Здравствуй, сын! Пишу я тебе эти строки, чтобы объяснить, как ты оказался на больничной койке, да и все остальное, чего ты не знаешь, происшедшее после 8 – го октября.

Мы с матерью поехали в тот день купить картошки для посадки весной на нашем огороде. Конечно, речь идет не о нашей русской, а о голландской картошке, которая, как ты знаешь, дает целое ведро клубней с куста. Той, что мы сажали в этом году, оказалось недостаточно. Время нонче голодное, вот мы с матерью и решили прикупить ее еще побольше, чтобы на следующий год собрать по меньшей мере восемь мешков против пяти как в этом.

Вот мы с матерью и поехали в деревню Уткино, где, ты знаешь, живет твой крестный Иван Василич. У него свой дом и большое соток 12 приусадебное хозяйство. Короче, мы с ним списались, и он нам ответил, как это заведено у добрых людей, «приезжайте».

Выехав на дорогу, что ведет в его деревню, мы заметили, как какой-то рыжий парень подымается из оврага с пластиковым мешком и курткой очень схожей с твоей японской. Ну вот, вышел он на дорогу, увидел нашу машину и как припустит от нас что есть мочи. Мы за ним. На машине пешего человека догнать раз плюнуть. Мать – женщина осторожная, ты знаешь сам, говорит: «Не езжай за ним, ну его к ляху». А меня любопытство разобрало. Я мать не послушал, газку прибавил и за ним по проселочной дороге. Когда мы к нему чуть приблизились, то узнали. Как ты думаешь, кто он? Лешка Чотарев, твой приятель и одноклассник по школе. Я сколько раз предупреждал тебя, чтобы ты с ним не водил дружбу, да ты плевал на мои советы. А что из этого вышло, ты и сам теперь понимаешь. Не водился бы с Лешкой, не была бы шея на боку.

Продолжаю. Мы с матерью вышли из машины, спрашиваем его на всякий случай, какими судьбами он здесь и не с ним ли ты? Он отвечает, что нет, а сам нам в лицо не смотрит, и куртку, подлец, все сильнее к себе прижимает. Мать возьми да взгляни на нее повнимательней, а на вороте куртки метка ее рукой проставленная: «С. Н.» – Сережа Никонов, значит. Тут все и разъяснилось.

Я схватил его за ворот руками, спрашиваю: «Отвечай, подонок, где сын? Откуда у тебя его куртка?» Он и раскололся. Струхнул, наверно. Силенкой Бог меня не обидел, в поясе я покряжистей твоего Лешки буду. В деревне в молодости лошадей подковывал.

Бросились мы тебя спасать. Ты в холодной воде лежал. Сухостоем он тебя прикрыл. Как ты не захлебнулся, не знаю. В беспамятстве утонуть дело одной минуты. Видно, вовремя мы подоспели. Ты уже посинел весь. Я тебя спиртом растер, что для Ивана Васильевича вез. Ну, а потом, взвалил тебя, как в детстве носил, на спину и из оврага вынес. Вот такая история.

Да, когда тебя нес, Лешка попытался нас сбить. Прямо на нас с матерью ехал, да немного не рассчитал. На какой-то дюйм ошибся. Это его и порешило. Его аварийка на полном ходу перевернулась и кверху колесами в овраг полетела. Почти на то самое место, где он тебя похоронить замышлял. Прямо как по писаному получилось. Двери кабины у него заклинило, и он выбраться наружу не успел. Как потом оказалось, его между рулем и сиденьем зажало, и без посторонней помощи он не смог бы сам выбраться. А по моему, так ему и надо! Собаке собачья смерть. Ты как считаешь?

Мы, конечно, в милицию заявили. «ГАЗ – 53» его, хоть и сильно помятый, вытащили и на аварийную стоянку отволокли. Мы с матерью в свидетели пошли, но уже после того как тебя в больницу отвезли. И я лишний раз убедился, что ты в относительной безопасности, то есть, что ко всему прочему у тебя нет воспаления легких.

Врач, дай Бог ему здоровья, не поленился выйти ко мне лично и, хоть не со стопроцентной гарантией, заявил, что у Вашего сына, кроме смещения шейных позвонков, отека легких не наблюдается. И на том спасибо. Хоть маленькая, но надежда, что нам с матерью тебя не хоронить. Это уже чересчур было бы. После смерти Витьки, еще и тебя похоронить. Самое страшное горе для родителей – хоронить своих детей! Но пока, сын, ты еще не отец, а значит, этой житейской истины пока не сечешь! Все познается с годами.

Вполне успокоенный насчет тебя я покинул больницу и с матерью поехал домой. Но ночью я так и не заснул. Все думал о тебе и о Лешке, о перипетиях человеческой судьбы. Два раза вставал с постели и пил валидол. Мать тоже принимала сердечные капли, не мене маво. Разов шесть я за это время звонил в больницу насчет твоего здоровья. И только уже под утро, дозвонившись до дежурной сестры, узнал, что ты переведен в послеоперационную палату и чувствуешь себя вполне сносно, хотя все еще находишься в бессознательном состоянии. Немного успокоившись, я забылся тяжелым сном на несколько часов.

Дежурная сестра мне приврала, конечно, но это оправданно. Ведь сердце семидесятилетнего старика далеко от сердца двадцатилетнего молодца. Работает с большой нагрузкой и значительными перебоями. Сообщи ему всю правду такую, какая она есть, сердце, пожалуй, и не выдержало бы. А так оно еще постучит некоторое время в свое удовольствие.

Утром следующего дня я позвонил в милицию и подробно рассказал о происшествии с тобой. Я был склонен все дело пустить на самотек, то есть смерть Лешки Чотарева сохранить в тайне, пусть поищут мерзавца, думал я, а может, и искать не станут. Мать его, наверняка, не раз молилась, чтобы Господь его прибрал. Он ведь, сукин кот, всю пенсию у нее отбирал, всю до копеечки и бил ее нещадно, если на водку не давала. Теперь хоть вздохнет спокойно на старости лет. Каждому Господь воздает свое по его заслугам.

Но потом я все ж передумал. Чот хоть и сволочь большая, но «человек» все же. Хотя слово человек я пишу в кавычках. Да и мать настояла, чтобы я дал знать в соответствующие органы про то, что приключилось с тобой. Я и позвонил. А потом некоторое время спустя, когда меня вызвал следователь, я все изложил на бумаге, все по порядку, как было. Чему был свидетель. Меня попросили вежливо съездить с ними на место и указать, где Лешкин труп и машина. Ты, конечно, понимаешь, что я не мог отказаться. Чужая тайна – тяжкий груз и давит так же на душу как и грех. Не всякий способен вынести эту ношу. Все на все заняло не больше трех часов.

Мы подъехали на милицейском «Уазике» со следователем «Пыжом», еще не старым человеком лет 55, только начавшим лысеть со лба и очень на мой взгляд толковым малым. Лешка уже лежал приготовленный к осмотру на голой земле, накрытый брезентом. «Пыж» попросил меня подойти поближе. Я сначала стоял в стороне, покуда «Пыж» разговаривал с двумя чинами в милицейской форме, по всей видимости, старше его по званию. Пыжом я его окрестил потому, наверно, что он как пыж в охотничьем ружье при выстреле сразу воспламеняется и тут же сгорает, и от него одна зола остается. Намек на вспыльчивый характер следователя.

«Пыж» откинул брезент, и меня чуть не стошнило. Лешка был сам на себя не похож, весь лицом белый, с синими губами. А при жизни его краснощекую рожу за двести метров было видно, как светофор. Сейчас же его маленькие поросячьи глазки, глубоко сидевшие в его квадратном черепе, очень страшно вылупились. Видно, когда он захлебывался, то от ужаса вытаращил зенки, потому что болотную жижу, в которой барахтался, принял за бурлящую адскую смолу. По совести сказать, мне его и на мышиный хвост не жалко. Он заслужил свою смерть. Одним говном на земле меньше стало…

Но кажется, я слишком уж расписался. Кончаю марать бумагу. Покедова, сынок, выздоравливай. В наш магазин привезли молоко. Мать торопит меня бежать за ним. С наилучшими пожеланиями здоровья твой отец и вся наша большая дружная семья, всего шесть человек.»

– А отец у тебя того, философ, судя по письму железный старик, – сказал, потянувшись за пачкой сигарет, Сашка.

– Да, тут ты в самую точку попал, мне и самому кажется, что он из стали, – ответил я. – Его согнуть невозможно. Он не поддается нажиму и вообще никаких компромиссов со сволочью не признает.

21 ноября 2000 года

Ночь после воскресения[5] (детективный рассказ)

Игорь Фатхуллин
Сергей Распопов

Воскресный день подошел к концу. Постепенно на поселок спустились сумерки. Строгая дворничиха тетя Клава разогнала с лавочек дворовых алкашей, после чего перегар, табачный дым и острый запах разгоряченных за домино тел выветрились. Во дворе заметно посвежело. Становилось тише. То в одном, то в другом окне гас свет. Жильцы снижали громкость телевизоров.

Приближаясь к первому подъезду, послышались шаги размеренные, глухие от тяжелых мужских ботинок. Щелкнул кодовый замок. Захлопнулась дверь. Шаги устремились внутрь подъезда и затихли где-то в глубине первого этажа.

– И кто тут шастает по ночам, колобродит? – заворчала тетя Клава, войдя в подъезд вслед за незнакомцем. – Опять за самогонкой прутся к Вальке, а после мочатся в подъезде.

– Не кричи ты, старая, весь дом поднимешь, – шикнул на нее незнакомец. В полумраке первого этажа бабка узнала его. Это был участковый Куракин, как обычно при форме и с табельным пистолетом.

– Ой, ночь добрая, Егор Петрович. Я и не узнала впотьмах. А что так поздно? Следователь давно уже уехал. Покойника мужики вынесли и машина увезла его в районный морг на экспертизу.

– Дел у меня было по горло, вот и не поспел вовремя, – соврал дед, разглаживая опухшее лицо.

Дворничиха вперилась в него пытливым взглядом.

– А у тебя нет ничего? – наконец, не выдержал он. – Помираю.

– Так откуда? Как схоронила своего дедочка, вот и перестала гнать.

Куракин, потеребив в замешательстве седые усы, понял, что с этой бабы проку мало. Порылся на дне планшетки, достал ключи, отпер дверь и вошел во 2-ю квартиру.

– Давай, зайди и ты, – махнул он бабке. – Заодно обрисуй мне всю ситуацию происшествия. А я пока тут кой-какие улики поищу.

– Воропаева Семена Кузьмича, – начала отчет тетя Клава, – сегодня в полдень сослуживцы из открытого университета обнаружили мертвым. Его зарезали.

– А сам он кем был? – не оборачиваясь к бабке, пробурчал Куракин, нетерпеливо открывая кухонный шкаф.

– Они с покойницей женой в поселке люди известные. Давно тут живут. Он в институте – преподаватель, а она при нашей областной психушке в амбулатории – медсестра.

– Сослуживцы что тут делали? – спросил участковый, заглядывая в холодильник. – Как нашли его?

– Так ведь похороны же намечались.

– Какие?

– Жену он собирался хоронить, да не дожил. А из института персонал собрался во дворе уже часов в восемь. Его все нет. Свет горит в квартире, а дверь никто не открывает. Решили проверить. Залезли в окно через кухню, хорошо не заперта была рама. А он уже еле тепленький.

---

[5] Рассказ впервые был опубликован в областной информационной газете «Ваш Шанс». Главный редактор издания Золотоверхова Елена Николаевна.

– Где похороны, там поминки, а где поминки, там и вод…, – вылупив ищущие глаза, осекся дед. – Клава, не вводи меня в заблуждение! Грех надо мной потешаться. Мне сейчас не до смеху. – Участковый дрожащей рукой отстранил старуху, оглядел комнату.

– И вовсе я не смеюсь. Поминки решили провести в поселковом клубе. С педагогическими доходами он бы не потянул. Спасибо, совхоз откликнулся, ихнего руководства внуки там штаны протирают, – четко отпарировала бабка. – А ищешь ты, Петрович, зря. Воропаев, в общем-то, не пил. Не позволяла печень. Три раза в год в больницу ложился. А жена тем более в рот спиртное не брала. Хронический порок сердца. Так они и жили. Он как понервничает на работе, так напьется и в санаторий. А она, как ей сердце подлечат, из больницы выходит.

– Все-то, ты знаешь, сорока старая! – дед вышел в коридор и пнул в отчаяньи хозяйские чоботы, зафутболив их в тумбочку для обуви. Глянув под ноги, милиционер вдруг заметил: на месте ботинок валялась ОНА, из рыжей клеенки, с расплывчатой надписью и тонкой оборванной нитью.

Участковый Куракин нагнулся, прочел что на НЕЙ и спешно увлек не понявшую ничего дворничиху из квартиры, заперев дверь…

В понедельник утром Егор Петрович встретился со следователем Ловчиновым. После коротких объяснений настоял на дополнительном осмотре квартиры Воропаева. Затем, прочитав протокол осмотра, участковый как бы между прочим сказал:

– Вижу по протоколу, что в ночь убийства с Воропаевым была женщина, но не жена. Та четвертый день в морге лежит.

– С чего вы это взяли? – возразил Ловчинов.

– Так мужик-то в постели голый. С какой стати вдовцу спать обнаженным перед самыми похоронами жены? Значит, в доме была любовница.

– В таком случае, проведите, Егор Петрович, – поручил следователь, вписывая строчку в план расследования, – мероприятия по розыску любовницы.

– Сергей Алексеевич, самый верный способ – доставить к вам дворничиху бабку Клаву, и допрашивайте ее по всем вопросам. Лучшего знатока образа жизни и окружения потерпевшего нам не найти. А я пока пройдусь по участку. У меня есть кое-какие соображения.

Час спустя в дверь кабинета следователя скромно постучала и появилась на пороге дворничиха баба Клава. Старушку только что оторвали от метлы, дали отдых ее мозолистым рукам.

– И чего я знаю? – затараторила она без всякого вступления, расправляя на себе потертый фартук.

– Да вы сначала присядьте, бабушка, – залюбезничал следователь. – Хотите кофейку или чаю с конфетами? Вам, я вижу, лет под восемьдесят, а все трудитесь. Тяжело, небось?

– Тяжело на скамейке сидеть и целый день пустые разговоры вести. Молодухам косточки промывать, – застреляла бабулька по углам кабинета вострыми глазенками. – Меня словно депутатшу сюда привезли на черной «Волге». Спасибо вам большое.

Поняв, что расположил к себе бабку, Ловчинов вынул ручку из пенала и приготовился записывать и задавать ей вопросы.

– Меня дед Куракин уже просветил, про Воропаева я вам сейчас все обрисую.

– Пожалуйста, сначала насчет врагов, – попросил Ловчинов.

– Он был такой тихий, невзрачный с виду мужичок, тюфяк по натуре. Интеллигентный такой, ни с кем не ругался, не дрался, вежливо поздоровается бывало и пройдет мимо. Дома он не курил, жена сердечница. Выйдет частенько на улицу, покурит, а окурок никогда не швырнет где попало, всегда спросит меня куда можно выбросить, аккуратно затушит, а после в мое ведерко кладет. Выпивал редко, печень, – указала тетя Клава на правый бок. – У его жены хронический порок сердца, никакой работы по дому не делала. Худенькая такая баба, синюшная

лицом, как нагнется полы мыть, так у нее давление или боли в сердце. Всю жизнь на уколах сидела. А он человек занятой, научный, все время рано уходил и приходил поздно. От такого в хозяйстве проку мало. Сам себе стирал, и то редко. Ходил вечно в мятом дешевом костюмчике с затертыми до блеска локтями и таскал с собой полный бумаг рыжий портфельчик.

Как то раз я зашла к ним, мое письмо по ошибке в их ящик бросили. Они меня к себе пригласили и пока письмо искали, я успела оглядеть их квартиру. Батюшки мои! – развела руками старуха. – Телевизора нет, а кругом все книги да книги, шкафы и полки с ними.

Лицом Воропаев был неприятный, плешивый мужик в очках, вот с таким пузом как у беременной на седьмом месяце, – и дворничиха очертила руками огромный живот. – Такой мужик бабу на стороне в свои пятьдесят с лишним лет по жизни иметь не может. И я никогда не видела его с кем-то, кроме жены.

Выяснив из допроса тети Клавы все, что было запланировано, следователь понял, что в поселке искать любовницу бесполезно, а нужно ехать на место работы Воропаева.

По поручению следователя младший опер Кирсанов начал крутиться среди студенток третьего курса, на котором доцент Воропаев возглавлял кафедру Истории. Благо их оказалось, всего-то 25 человек.

Одна из них, Клара Вострицкая, рассказала:

– В принципе нормальный был преподаватель. Но на экзамене как-то спросил: «Согласна на тройку?»

Я ответила, что согласна. А он мне говорит: «Такая симпатичная девчонка и троечница». А я ему отвечаю, что если бы нам пятерки ставили за внешность, то я была бы отличницей. А он возьми и поставь мне пятерку в зачетку по Древней Истории. Я, конечно, обалдела, но ничего спрашивать не стала. Взяла зачетку и пошла.

После я на всех лекциях чувствовала, что он от меня чего-то ждал, глядел на меня странно, и даже предлагал остаться после занятий и поработать с предметом дополнительно. Я отказалась, сославшись, что времени по вечерам у меня нет. Я на полставки дежурю в фойе гостиницы. После этого на экзамене по Новой Истории, который прошел недавно, он мне пятерку уже не поставил, – с грустью закончила Клара.

– Ну что ж, Кларочка, – посоветовал младший опер, – заниматься нужно лучше. А где у вас фиксируются результаты экзаменов? – полюбопытствовал он.

– В ректорате в зачетной ведомости, – ответила девушка.

Получив с разрешения ректора зачетную ведомость по Истории студентов 3-го курса, Кирсанов выяснил, кому за отчетный год по Истории самим Воропаевым были поставлены пятерки. Таких девушек оказалось четыре.

– Извините, господин профессор, – заискивающе улыбаясь, подвалил в перерыве между двумя занятиями к проректору Кирсанов, – я хочу вам задать один вопрос? Можете ли вы охарактеризовать кратко мне этих ваших студенток по вопросу их отношения к учебе?

– Могу… Вас, конечно же, интересует как они постигали сложность образования? Что я могу рассказать об этом? Вот Оля Макарова, очень эрудированная девушка, она по всем предметам что называется вундеркинд, вся в родителей – сотрудников НИИ. Многознание. Настойчивость. Вот ее отличительные качества. Ей все дается легко.

Светлана Кольцова и Галина Зилотина числятся в ранге хорошисток, но могут иметь и «отлично», когда упорно занимаются. А вот последняя из вашего списка – Маша Беляева…. Мы обеспокоены ее бессистемностью получения образования. Недалекая особа, очень ленивая. На уме одни мальчики, танцульки.

Кирсанов, встретив Беляеву в вестибюле института, предложил ей проехать с ним к следователю на беседу.

– Что я там забыла? – уперлась она. – Я никуда не поеду.

– Поедешь, – многозначительно подтрунил Кирсанов, – и не только туда куда я тебя пытаюсь пригласить, а еще подальше.

Перепуганная с самого начала курсистка, едва появившись в кабинете строгого следователя, заявила:

– Что это значит? По какому праву вы меня сюда привезли? Я ничего не знаю и вам не скажу.

– Любишь пятерочки задарма получать, люби и на вопросы отвечать, – съязвил лейтенант Ловчинов.

– Что вы хотите от несчастной девушки? – не сдавалась Беляева.

– Правды. Содействия. Человек же умер не своей смертью, а это статья, доченька.

Девушка нахмурила брови, опустила глаза в замешательстве.

– В квартире у преподавателя Воропаева на столе обнаружены бутылка с вином и два стакана, на одном из них, барышня, и я в этом не сомневаюсь, следы ваших напомаженых губ. Вы станете что – либо отрицать, гражданка Беляева?

– При чем здесь я? Мало ли что?

– А в постели на окровавленной простыне, наверняка, думаю, будут обнаружены ваши красивые светлые волосы, – указал Ловчинов на ее короткую стрижку. – Экспертиза это покажет, не сегодня, так завтра.

Девушка, не решаясь излить душу, нервно заикала.

Следователь подал стакан минеральной воды:

– Ну что, говорить будем?

После минуты молчания Беляева тихо произнесла:

– Будем.

Она поведала следователю картину происшедшего в ночь с субботы на воскресенье.

– Семен Кузьмич поставил мне два раза пятерку, назначил свидание, и я согласилась. Примерно, в час ночи я была у него. Мы выпили по полстакана вина, он включил музыку. Я принесла с собой магнитолу. Когда мы уже оказались в постели, внезапно появилась женщина в белом халате прямо возле нас, занесла руку с длинным ножом и воткнула Воропаеву в спину. Я была в шоке. Его теплая кровь потекла по мне. Я не могла ни шевельнуться, ни крикнуть. Просто окаменела от такого поворота. А эта женщина возьми мне и скажи: «Этот подлый мужлан мне глаза не успел закрыть, а уже тебя, дуру молодую, затащил к себе в кровать. Какой позор, какая обида, мне лучше не жить». Не стала трогать меня, развернулась и ушла.

Через десять минут я пришла в себя и рванула из этой квартиры что есть духу.

Инспектор Куракин, неспеша зарулив в поселок на красной «Оке», пропилил мимо дома, где жила семья Воропаевых, и свернул на огромную территорию психбольницы, известной на всю область. Остановился возле морга. Сюда свозят из местной округи некриминальных покойников, которые покинули сей бренный мир вследствие старости либо тяжелой болезни. Там, застыв в вечной позе на холодном керамическом полу, среди прочих мертвых ждало своего погребения тело жены Воропаева.

– Где я могу увидеть завморгом? – спросил участковый седого мужчину в белом халате, столкнувшись с ним в ритуальном зале.

– Я перед вами.

– Не откажите в любезности, – расплылся в располагающей улыбке строго одетый по форме милиционер, – уделите мне несколько минут.

– Да, ради Бога.

– Меня интересует, скажем так, ваша «клиентка» – Воропаева.

– Ах, да, – сморщив лоб и напрягая память, живо откликнулся заведующий. – Четвертый день ждет погребения, но родственники запаздывают. Она поступила в пятницу. Скончалась

от сердечного приступа. Через несколько часов пришел странный мужчина, представился родственником. Спросил, будут ли ее вскрывать. Я ответил что, вскрывают в городе на экспертизе, если есть подозрение на насильственное лишение жизни. А в этом случае все ясно. Порок сердца, естественная смерть. У нас, как правило, вскрывают редко, чисто из научных целей. Наши молодые патологоанатомы – кандидаты наук. Любители покопаться в чужом теле, поизучать органы, поисследовать их видоизменения в результате каких-нибудь заболеваний. И все пишут и пишут свои диссертации. У меня это давно уже в прошлом. Мужчина назвался братом Воропаевой и попросил не вскрывать труп сестры, так как они близнецы и он чувствует на себе ее боль. Брат рассказал мне, что когда ей вырезали аппендицит, естественно без наркоза, поскольку с ее пороком сердца он категорически противопоказан (она может не проснуться), он чувствовал все ее болевые ощущения. Объяснив в чем суть его визита, он предложил мне деньги. Но я отказался и согласился выполнить его просьбу. Вот собственно и все.

Инспектор поблагодарил врача, не упустив возможности подлечиться казенным медицинским спиртом. Живым он все же нужнее чем усопшим.

Вытерев седые усы после приема «лекарства», Куракин не поспешил удалиться, а задержался возле стеклянного шкафчика, вперившись в него глазами.

– Вы хотите, чтобы я еще вам налил, – задал вопрос все понимающий завморгом, протирая очки о полу белого халата.

– Простите, я задумался, – вернулся к разговору с врачом участковый. – Подскажите мне, любезный, кто из вашего персонала дежурил в ночь с субботы на воскресенье?

Через минуту Куракин беседовал с пожилым санитаром.

– Ну, я принял немного на грудь, – промямлил нетрезвый сторож. От него несло спиртным. Это соответствовало образу жизни таких как он. – Задремал за столом. Потом раз, голову поднял, смотрю, а халата нету.

– Какого? – уцепился Куракин.

– Иван Иваныча, – он поднял палец кверху, – моего начальника. Халат вот на этом гвозде обычно висит.

– Ну и что?

– Иван Иваныч мне его сюда повесил, чтобы моя бабка его постирала. Больница обычно стирает свои тряпки в банно-прачечном комбинате. А Иван Иваныч терпеть этого не может. Там гладильными машинами расплавляют пуговицы и их неудобно застегивать.

– Ну и что дальше-то было? Что ты мне со своим халатом-то голову морочишь? – вскипел Куракин.

– Дальше. Когда я часа через три после того открыл глаза, вижу, халат как ни в чем не бывало на прежнем месте. Вот, видишь, капитан, какая чертовщина! Я подумал, что перебрал немного, и не придал этому значения. Потом сделал (время было уже под утро) обход и обнаружил, что дверь в морг открыта, хотя снаружи этого не сделать, потому что я всегда не доверяю замкам, а закрываюсь изнутри на запор. А из живых ночью я здесь всегда один.

Куракин не стал ему объяснять, какие у него догадки и версии, а просто пошутил:

В другой раз закусывай, дружок, – похлопал Куракин по плечу санитара, – тогда и не будет глюков.

Два дня спустя Кирсанов и Куракин получив зарплату заглянули в сельский магазин. В очереди им повстречалась бабка Клава.

– Привет, сыщики! – сказала дворничиха. – Я вот за коровьим молочком зашла. А вы, видать, за «хлебным»?

Менты в ответ ухмыльнулись.

– У тебя, старая метла, глаз микроскоп что ли? Угадала, сорока, – добродушно заметил Куракин.

– Ну, как дела-то, прояснилось что – нибудь в убийстве моего соседа Воропаева?

– Да какой там хрен, – отмахнулся участковый. – Все темнее ночи. У Воропаева любовницу разыскали. На стакане с вином ее следы от пальцев рук и губная помада.

– Ну теперь, стерве, не отвертеться, – потерла руки бабка.

– Нет, Клавушка, на рукоятке ножа пальчики не ее. Ничего с ней не сделаешь, закон, есть закон. Плетет всякую ахинею, вот, мол доцента какая-то женщина в белом халате кухонным ножом в спину пырнула.

– Что ж их две было что ли? Вот охальник. И поделом ему.

– Да ты до конца дослушай, – огрызнулся Куракин. – Я в первый день с тобой в ихнюю квартиру зашел и бирку обнаружил из морга, а на ней инициалы, фамилия и год рождения покойной жены Воропаева. Просто какой-то кроссворд. Я в морг сунулся. А сторож мне заявил, что у него халат начальника, то пропал ночью, то вдруг опять появился на прежнем месте. Но он был в эту ночь под мухой. Мало ли что ему с пьяну померещится. И дверь он обнаружил под утро открытой. А когда я его попросил показать мне труп Воропаевой, тот с трудом его отыскал по крашенным ногтям на ногах, потому что бирка отсутствовала.

Бабка на минуту раскрыла рот, застыла как изваяние, и, вдруг, начала тараторить:

– Так жена Воропаева, дай Бог памяти, лет 15 – 20 назад, два раза приходила домой из морга. Первый раз в полночь совсем голая приперлась. Я сама этому свидетель, – дворничиха перекрестилась. – А второй раз, днем в белом халате заявилась. У санитаров, наверно, позаимствовала. Сердечный порок у нее какой-то особенный. То, вроде, уже как будто помрет, а потом, на тебе, опять с того света возвращается.

Куракин недоуменно посмотрел на бабку, уставился в нее, размышляя про себя, не сочиняет ли она? После этого дед взглянул на Кирсанова, схватил его за рукав и на весь магазин закричал:

– Ты за сколько бутылок заплатил?

– За две.

– Бери пять. Летим к Ловчинову. Расскажем ему быль о ночном воскресении…

29 декабря 2001 года

«Святой день»[6] (криминальный рассказ)

Игорь Фатхуллин
Сергей Распопов

Начавшийся еще с вечера моросящий дождь к ночи превратился в настоящий ливень. Артем Петрович тяжело заворочался на диване. Все тело ломило, хоть кричи «караул»!

«Должно быть к непогоде», – подумал он.

Особенно жгучая боль донимала его в правой отсутствующей ступне.

«Вот ведь жизнь окаянная, – выругался Михеев про себя, – двадцать лет прошло, как ее оттяпали в районной больнице, нашли эскулапы какую-то опухоль, вот и отняли. Бесплатная медицина ничего, кроме как отрезать кусок отмершего тела, предложить не могла. А ступня все болит, спасу нет. Даже пальцами как будто могу шевелить, чувствую каждый нервный узел на ней. Успокойся, – оборвал Михеев себя. – Это всего – навсего только мое воображение. Моя больная фантазия и дьявольская промозглая погода».

Он не спал уже второй час, как ни пытался, все не мог заснуть. Лежал на спине, прислушиваясь к раскатам грома. И всматривался равнодушно в ночную рябь за окном, где в свете молний одиноко раскачивались яблони. Яблони ему достались по наследству от тетки вместе с домом, и теперь без надлежащего ухода совсем одичали, и плоды на них стали мелкими и кислыми с горчинкой.

«Вырублю их к дьяволу при случае, на фиг они мне сдались, никакого дохода не приносят. Одна морока с ними. Даже пацаны в мой сад не лазают, обходят стороной», – он вздрогнул от особенно яркой вспышки молнии.

Тетка рассказывала ему, что однажды, лет двадцать назад, когда на ее доме еще не был поставлен громоотвод, через окно залетела молния, побила стекла в рамах, двинулась через большую комнату к зеркалу напротив. У тетки в комнате стояло большое трюмо. Разбила его на мелкие осколки и ушла в сенях в земляной пол. Зеркала молнии притягивают как магнит. Это знать надо. Может, при случае пригодиться.

Дождевые потоки воды монотонно шумели в водосточных трубах, обильно орошая землю во дворе. Теперь трава полезет, весь огород заполонит, язва болотная. Придется ее косой выкашивать по десять раз на дню. Иначе нельзя.

Вот такой же ливень лил две недели назад, ни зги не видно, когда он возвращался на своем «Запорожце», консервной банке с ручным управлением, домой из районного центра, куда он ездил переоформлять пенсию.

Жил он всегда тихо, одиноко, обособленно. Семьи в свое время не заимел, а теперь уже и не к чему. Дружбы особо ни с кем не водил, ни с кем не ругался. В дурных компаниях никогда не участвовал. Было ему ужу далеко за шестьдесят. И он мечтал об одном, как дожить эту жизнь достойно, а больше всего о том, как не помереть с голоду. Он от рождения нытиком не был и теперь молча боролся за жизнь, если его нищенское существование можно назвать жизнью. Ведь пенсия, что он получал – с воробьиный скок, воробью же на смех. Думать о ней-только себя изводить.

Жил он до смерти своей тетки в городе. Вся прежняя работа Михеева была связана с жилищно – коммунальным хозяйством. Кому капающий кран починить, кому гвоздь в оторвавшуюся доску вколотить. Этот приработок его кормил. Во всяком случае, если не на водку,

[6] Рассказ впервые был опубликован в областной информационной газете «Ваш Шанс». Главный редактор издания Золотоверхова Елена Николаевна.

то на хлеб хватало. А ему много и не нужно. Пить он особо не пил, так рюмашку опрокидывал под горячую котлетку. Либо выпивал со старым корешом Петровым. Это не питие, а так – лечение.

В тот день, возвращаясь в свою неудобную берлогу, ехал он медленнее обычного. Дворники едва успевали сметать дождевые струи с лобового стекла. Уже свернув на свою тихую, утопающую в зелени улочку, он вдруг с ужасом увидел перед своим капотом стройную женскую фигурку. Он среагировал мгновенно, умело бросив машину на бордюр. Мощный удар пришелся на передние подвески, и визг тормозов заставил женщину обернуться. Он увидел перед собой широко открытые испуганные глаза, косметику, перемешанную со струями дождя, и тяжелые, намокшие волосы, беспорядочно лежащие на плечах. В правой руке она держала раскрытый цветной зонт, который мало чем мог помочь ей в этой ситуации. Насквозь промокшее платье облепило тонкую девичью фигурку. Вблизи он узнал ее. Девушку (она и в самом деле была еще не замужем) звали Галей Акимовой. Она работала почтальоном в их поселковом отделении связи. Перекинутая через маленькое хрупкое плечо тяжелая почтовая сумка притягивала ее к земле.

– Здравствуй, Галя, – сказал Артем Петрович ласково. – Испугалась? Ты не бойся. Я тебя не перееду. Я очень осторожный водитель. Письма разносишь? – поинтересовался он.

– Да, – улыбнулась Галя. – Не только. У меня есть и к вам письмо.

– Бог мой! От кого? – удивился он. – У меня и родни-то нет. Один я как сыч на белом свете. Худой, забытый, никому не нужный мужчина. – Губы его искривились в иронической усмешке. Давно прошла пора бесшабашной удали. Он обвел Галю печальным взглядом.

– Вы не подвезете меня до конца вашей улицы? – попросила она. – Мне всего в четыре дома осталось разнести газеты, – и похлопала тоненькими пальчиками по изящному металлическому замку на сумке.

Эта сумка, небрежно перекинутая через плечо, на мгновение приковала к себе взгляд Артема Петровича. В душе его, словно ребенок в утробе, шевельнулась окаянная мысль. Но до полного оформления ее в стройный план было еще далеко.

«Запорожец», натужно тарахтя мотором, вихрем проскочил по центральному деревенскому тракту, в конец деревни, и вынырнув из очередной колдобины, остановился перед облупившимся, вросшим в землю деревенским домом, что возле выгона агрофермы.

– Зачем себя утруждать в такой-то ливень? – сказал он дружелюбно Гале. – Давай, садись, я подброшу тебя до почты. А оставшиеся газеты развезу по адресам.

– Спасибо, – Галя широко и лучисто улыбнулась и наотрез отказалась от его помощи.

– Зря ты мне не доверяешь, – пробурчал он, помогая почтальонше вылезти из машины.

– Что вы, Артем Петрович, я вам верю, – сказала Галя на прощание. – Но это моя работа, я не могу ее никому перепоручить. Я должна сама, – и расхохоталась звонким веселым голоском.

«Садануть бы тебе дроби под хвост. Птица ты эдакая. Да посмотреть, чем ты начинена! Пожалуй, ты бы и не так запрыгала», – подумал он озлобленно.

Пенсию Михеев получал исправно каждый месяц шестого числа. Впрочем, приносили не только ему. У них половина Солнечной улицы, на которой он жил – пенсионеры. И все они получали деньги в этот же день.

«Надо же, кому-то пришла в голову блажь назвать улицу по имени Солнца! Добро бы жили на ней люди богатые или зажиточные-тогда другое дело. Такое название оправдывает само себя. А то живут большей частью старики и старухи, которые одной ногой уже на том свете. Десятку какую-нибудь паршивую и то занять не у кого! Они бы и хотели дать ему взаймы, да взять с них нечего. Голь перекатная. А у миллионеров, что на той стороне деревни коттеджи возвели, так тоже напрасный труд просить. Они за копейку, что у них возьмешь, удавятся.

А тут и не пьешь, да как дальше жить – неизвестно. Денег на хлеб нет. Ну, положим, эти русские, что на иномарках разъезжают, не откажут, на булку дадут. Но у них брать зазорно. Ведь он, это мурло, не просто так даст тебе копейку, он даст тебе ее, чтобы лишний раз унизить. Поскольку за человека тебя не принимает. Ты для него хуже собаки бездомной, хуже кошки, что тянутся к людям за ласковое слово. Ты вынужден будешь стоять перед ним, перед этим мерзавцем, навытяжку как рядовой перед генералом. По стойке «смирно» и не выкобениваться, а тихо слушать тот бред, что он будет тебе вдалбливать в твою и без того голодную башку».

Артем Петрович жадно затянулся последней папиросой. Едкий дым выел легкие. Дед закашлялся.

– Жизнь гребаная, – выругался он матерно в сердцах. – Нет денег даже на «Беломор». – А курить тянуло. И очень не хотелось отвыкать от этой естественной для его лет привычки. Тот, кто как он с 13 лет пристрастился к табаку, бросит курить разве что в гробу.

Он зажег свет в комнате, бросил взгляд на часы, затем на окно. Без пятнадцати пять. В рассветной мути длинные ветви деревьев в саду казалось нашептывали ему что-то тайное, зловеще о чем-то предупреждали. Одновременно было ощущение, что их длинные стволы врезались в небо, пробили толщу густых облаков.

«Если уж начало в чем-то невезти, то одним пустяком дело не закончится, – подумал Артем Петрович. – За одним невезением придет второе, третье… А там одна неудача за другой длинной вереницей постучатся в дом».

Неделю назад у него «сдох» аккумулятор, а тут не прошло и трех дней после этой беды, восьмилетний пацан разбил переднюю фару на бампере. Да и мотор что-то не очень тянет. Начал чихать. Видно, доживает последние дни. И хотя отец пацана клятвенно пообещал возместить ущерб, но только с получки. Все это, конечно, Михеева не утешало. Ему ли не знать, как нонче платят работягам. В час по чайной ложке с рассрочкой на три месяца. Фара – черт с ней. Она не главная проблема. Его заботит сейчас другое. Аккумулятор для «Запорожца» ему достал Егорыч, сосед с другой половины деревни. Теперь он должен ему за него 450 рублей. И хотя Егорыч его не торопит, предоставил ему, что называется, бессрочный кредит, но долг есть долг. Он Артему Петровичу, что удавка на шее, тянет вниз посильнее гири. Рано или поздно его отдавать надо. Чем раньше отдашь, тем лучше.

Сегодня шестое мая. День этот еще хорош и тем, что Галя Акимова с толстой синей кожаной сумкой через плечо разносит пенсию. На приблатненном языке пенсионеров – «святой день». Обещающий хоть и скудную, через пень – колоду, но кормежку. А значит, и так можно рассудить – первую радость для стариков.

Ох, эта синяя, толстая, с железным замком почтовая сумка – предел желаний Артема Петровича. Она, эта сумка, всякий раз была полным полна. Надо думать денег в такой «кошелек» помещалось немало. А Михеев, когда поглядывал на этот «кошелек», невольно облизывался, как кот, мечтающий о хозяйской крынке с молоком. Попади эти денежки в его руки, он бы нашел им применение. В первую очередь рассчитался бы с долгом за аккумулятор, купил бы цветной телевизор японского или корейского производства. Его черно – белый «Таурус» уже год как работал вполсилы, без звука. И хотя дед Михеев не жаловался, приноровился смотреть немое кино. По всем статьям выходил какой-то перебор. В век сверхзвуковых скоростей и компьютеров глядеть испорченный старый телевизор! Да мало ли чего еще можно купить благодаря синей сумке почтальонши! Мечтать о большем Артем Петрович пока не отваживался…

Готовиться к приходу Акимовой он стал загодя. Тщательно побрился на кухне тупой бритвой перед осколком большого зеркала. Надел лучший костюм, который у него был со времени, когда он еще сшибал деньгу в коммунальном хозяйстве. На шею повязал красный с горошком шелковый галстук. И все для того, чтобы произвести на девчонку впечатление. Ни

для кого из знакомых ему старых женщин или, говоря проще, старых перечниц, он не намерен был таким образом выкобениваться. Только для Гали Акимовой.

Затем достал старый гвоздодер, обтянул его шерстяным чулком, достал несколько целлофановых пакетов побольше, прикинул свои действия – надо было точно знать, как он будет действовать. Чтобы, не дай Бог, не сорвалось, не случилось промашки.

Без пятнадцати двенадцать во дворе залаяла собака. Артем Петрович поспешно пригладил седую шевелюру, поправил галстук и выскочил на крыльцо. Несмотря на майский полдень, на деревенской улице было темно как в могиле, что не видно было соседних домов от такого сильного ливня. Даже черт не выходит в такую лихую погоду чинить свои козни. Но Артем Петрович внутренне ликовал. Сердце его прыгало от радости, предвещая удачу. Он давно ждал такого благоприятного стечения обстоятельств. Почтальоншу он решил встретить во дворе. Поставив руку козырьком ко лбу, прикрывая глаза от бьющих капель дождя, он спустился с крыльца к калитке и приглашающе махнул рукой долгожданной гостье, несмотря на то, что за три секунды промок с ног до головы.

Это была она, Галя Акимова. Улыбнулась ему весело как хорошему и давнему знакомому.

– Собака ваша меня не загрызет? – кокетливо спросила она и нащупала пальцами задвижку на калитке.

– Да, ты что, Галочка! – Артем Петрович натянуто рассмеялся, забегал вокруг почтальонши. – Кобель мой это так, больше для острастки, чем для сгрыза.

– Ко мне, Нерон, – похлопал Михеев себя по бедру. – К ноге! Лежать! Я тебе полаю. Вот, будешь лаять на кого ни попадя, оставлю без обеда.

Большой черный с белым воротником овчар приблизился к хозяину, завилял хвостом.

– Вот так-то лучше, – сказал строго дед кобелю. – Узнал Галю? Своя она. Понял? Не в первый раз, небось, ее видишь. А теперь в конуру, живо! И чтобы, пока она не уйдет, я бреха твоего не слышал.

Кобель молча повиновался. Но лучше бы хозяин не давал такой команды старому умному псу. От этого выиграли бы оба: и дед, и собака.

Михеев перестал суетиться, снова пригладил ладонью волосы, взял Галю под руку и вместе с нею прошел в дом.

На крыльце он обернулся, поднялся на цыпочки, прострелил взглядом улицу. Много ли народу видело, что почтальонша зашла к нему? Деду показалось, этот ее визит к нему не засек никто. Все равно от сильного дождя ни хрена не видно. А с другой стороны, он эту Галю запрячет так, что ее не то что с собакой, днем с огнем не сыщешь!

– Прошу, Галочка, прошу! – любезно поддерживая за локоть девушку, приговаривал он в темных сенях. – Погода-то сегодня какая! Как по божьему заказу, для отпущения грехов.

Галя быстро прошла в комнату, села за стол, торопливо опустила сумку на старую табуретку, вытащила из нее ведомость, в которой пенсионер Михеев должен был поставить подпись о получении денег. Она спешила. Ей предстояло обойти еще 15 домов.

«Не заметила, слава тебе Господи, гвоздодер обтянутый чулком на табуретке», – внутренне ликуя, подумал дед.

У Михеева задрожали руки. Он быстро сделал в ведомости загогулину напротив своей фамилии.

«Лишь бы поскорее со всем этим барахлом покончить», – сверлила мозг ядовитая мысль.

Галя за это время достала две толстые пачки денег. В одной пачке перетянутые узорчатой банковской лентой – пятидесятирублевые купюры. В другой – десятирублевые.

Когда она склонила голову над ведомостью, он глубоко вздохнул и, задержав в себе дыхание, потянулся рукой к гвоздодеру. Резко, сильно, будто вколачивая гвоздь в дерево, без оттяжки ударил Галю по затылку. Удар пришелся точно в основание черепа.

Почтальонша охнула и уткнулась лицом в ведомость. В уголке рта у нее появилась кровь.

Артем Петрович надел на Галину голову полиэтиленовый пакет, чтобы кровавым краснотьем не запятнать пол. Затем еще трижды ударил по голове гвоздодером. Бил он по – прежнему резко, без оттяжки. Потом накинул на голову почтальонши еще пакет и крепко стянул его на шее приготовленной бельевой веревкой.

Через пять минут все было окончено.

Он завалил безжизненное тело на пол и в тот же миг вздрогнул от сиплого простуженного голоса, раздавшегося за дверью.

– Петрович! Ты чего это! Спишь, что ли? Отворяй, господин-товарищ, ворота. В магазин бежать пора.

Это кореш появился. Федотов. Он обязательно должен был появиться, ведь сегодня день пенсии.

Артем Петрович застыл. Затаил дыхание. После чего тихо, пытаясь не издать ни скрипа, ни лишнего стука, потянулся к коробке радиодинамика, увеличив в нем громкость. Снова замер.

Федотов еще несколько раз ударил в дверь ногой, не веря, что Михеев решился в одиночку, без него отметить «святой день». Но, видать, это было так. Дед Михеев отсутствовал. Лишь из форточки неслась громкая музыка. Почти полностью оглохший Артем Петрович любил классическую музыку. Иногда включал трансляцию какого-нибудь концерта на полную мощность.

Чертыхаясь, Федотов присел на крыльцо, выкурил пару сигарет и ушел, проклиная про себя столь неожиданно проснувшуюся жадность товарища по «горькой». «Должно быть, он всегда был таким!» – думал, шагая в сторону сельмага, разочарованный Федотов.

Спустя час после его ухода, дед Михеев, приняв стакан для храбрости, вышел во двор. В руках он держал швабру.

– Ну, бестия, сейчас я тебе покажу. Выходи, шут окаянный, – рассерженный хозяин пнул ногой в собачью будку.

Пес зарычал и оскалил клыки. Такое отношение не понравится любой живой твари, уж тем более злобному крупному овчару.

– Я вот тебе порычу, – сквозь зубы процедил охмелевший хозяин и ткнул шваброй в темноту конуры.

Пес виновато поджав хвост наконец вышел из своего убежища.

– Что ж ты, бездельник, на кого не надо тявкаешь, на ту же Галю. От нее для нас обоих польза какая вышла. Теперь тебя куриными лапками кормить буду каждый день. А вот пьянь всякую, типа Сашки Федотова, ты во двор пускаешь и даже не рявкнешь ни разу, а на меня рычишь. Что с того, что он наш старый знакомый. Рвань подзаборная, должен мне уже целых сорок колов. Год отдает, а все побирается. На халяву выпить приходит. И чем только он тебя подкупил? Тупая твоя собачья башка. Ты чуть нас обоих не погубил. Я не только для себя, но и для тебя жилы рву. Если уж я погорю, то и твоя судьба не слаще редьки. Закончишь свою жизнь на мыловаренном заводе.

Черный пес умными глазами уставился на деда, завилял хвостом, как бы говоря: «Не жури меня, хозяин, понапрасну. Я все понял, я исправлюсь».

Вечером, в девятом часу за ним пришли. По – существу, для Михеева ИХ визит не являлся полной неожиданностью. Он ИХ ждал. Когда-то ОНИ должны были прийти. ИХ

было девять человек и вышагивали они строго по рангу. Но только трое поднялись на крыльцо и постучались в его дверь.

Один из оперативников, судя по погонам, был лейтенант. Он был с собакой. Служебной ищейкой. Михеев его до этого ни разу не видел.

«Что ж, поглядим, чья возьмет? – подумал Артем Петрович про себя. – Я вам нос-то утру. Долго искать будете и ни шиша не найдете!»

Шестеро остались стоять у милицейского «УАЗика» и черной «Волги». Двое в форме в фуражке с красной окантовкой и с автоматами за плечами чересчур дружелюбно разговаривали, время от времени поглядывая на окна его дома. Собственно говоря, из всех их он знал только одного. Участковый Куракин был как всегда при параде. Перепоясан портупеей. Строгий, подтянутый. Без тени улыбки на лице. Даже против собственной воли Михеев почувствовал к нему уважение.

– Маленькая должность досталась большому человеку, – сказал он. – Не открыть им нельзя. Вышибут дверь и все – равно войдут.

Набросив на плечи старый плащ, он вышел в сени, сбросил с прочной стальной петли крючок.

– Входите, гости дорогие, – сказал он, показав желтые гнилые зубы. – Давно, давно ждал. Может, чайку поставить или самогоном угостить? – Он решил прикинуться добреньким старичком. Играть так уж до конца.

– Руки назад! Живо! – рявкнул Куракин и ловким движением надел на него наручники.

– Вперед, в комнаты, – приказал он.

– Да вы что делаете? – попытался возмутиться дед, но тут же заметил оскаленную пасть волкодава, который был явно не прочь сомкнуть свои клыки у него на горле. И замолчал. Решил не сопротивляться. Понял, что это бесполезно. Что его приперли к стене.

Собака пришедшая с лейтенантом на кухне повела себя странно. Сначала залаяла, затем завертелась волчком, потом стала скрести доски пола лапами.

– Кажется, нашли, Андрей Ильич, – сказал Куракин лейтенанту.

– Еще бы, на то мы и ищейки, чтобы искать сокровенное, – сухо заметил офицер. – Видишь, как собака вертится, значит, есть труп. Пес чует мертвеца за версту. Если жмур не в воду брошен, а в землю закопан, отыщет в любом случае. Труп никуда не денется.

– Да, криминалистика ушла далеко вперед. Скоро мы будем ловить убийц по запаху их пота.

– Уже ловят, – сказал третий оперативник.

– Как? Неужели? Не может быть? – усомнился Куракин.

– Разве вы ничего не слышали о детекторе лжи? – удивленно приподнял брови лейтенант.

– Ну так это за границей. А у нас в России подобные эксперименты только в начальной стадии.

Тело Гали уже бездыханное и окоченевшее было найдено в подполе под прошлогодней картошкой. Сверху дед набросал на нее различный хозяйственный хлам ввиде пустых ведер и сломанных стульев. А так же набросал разное изношенное тряпье.

«Почему он ее не закопал, непонятно? Вероятно, не думал, что ее так скоро хватятся. Впрочем, отыскали бы почтальоншу в любом случае. Днем раньше или позже, но нашли бы все – равно», – подумал участковый. Он обернулся и посмотрел в упор на убийцу.

Михеев выдержал его жесткий колючий взгляд. Теперь Артему Петровичу было уже все – равно. Ему было никого не жалко, ни себя, ни других. Одно ему было ясно – он проиграл. Поэтому он смотрел на всех ненавидящим взглядом затравленного зверя. Обложили его, не дали покутить перед смертью и помереть спокойно. Значит, жизнь кончена.

Из подпола вылез молодой милиционер. За ним наверх выпрыгнула собака. Он потрепал ее по высокой взъерошенной холке.

– Молодец, Граф, – сказал лейтенант, – хорошо поработал. Буду хлопотать перед начальством, чтобы тебе выдали дополнительный служебный паек. Я разобьюсь на куски, но сделаю все что смогу.

В руках он держал синюю почтовую сумку, только теперь уже пустую.

– Идиот, – посмотрев в сторону Михеева, – сказал лейтенант, – бросил такую важную улику на месте преступления.

– Он не расчитывал, что ее там найдут, – сухо заметил участковый.

– Зато воспользовался содержимым сумки. Где деньги, Михеев? Признавайся. Расскажешь правду, будет хоть небольшое, но послабление тебе. Запишем это как чистосердечное раскаяние. Тебе в любом случае светит серьезная статья. Скажешь правду, получишь по – минимуму. Ты еще крепкий дед, может, выйдешь на волю и заживешь по – новому. Ну, что молчишь?

– В комнате под батареей. Поднимите половицу, найдете тайник. Там спрятана первая толстая пачка. Та, что пятидесятирублевыми купюрами. Остальные в тыльной стороне дивана. И четыреста рублей здесь, за обоями. Я деньги на мелкие расходы всегда кладу за обои. Правду я говорю, правду! – внезапно закричал и истерично захохотал убийца.

– Прекрасно, замечательно, – сказал лейтенант. – Сколько всего было в ней денег? – Он помахал сумкой перед носом Михеева.

– 13 тысяч 825 рублей, но 400 рублей вы не досчитаетесь. Я потратил их на «Беломор». В тумбочке под телевизором 100 пачек.

«Социальные условия, – подумал Куракин, – это конечно важно. Но мало мы еще учим людей добру. Частенько совсем забываем про это простенькое, вечное, но великое понятие. Так оно и бывает. Сначала оправдываемся за счет эпохи. А потом – цинизм. Убеждение, будто можно плевать на человеческую жизнь. Люди – клопы, люди – тараканы. Как же называется такой человек? Тот, что считает, что люди тараканы, которых нужно давить. Когда-то он это знал. А сейчас забыл. – Он напряг морщины на лбу. – Нет, не вспомнить, провал памяти».

– Выводить что ли его? – дружелюбно спросил он лейтенанта.

– А что же с ним делать? Такого деятеля дома оставлять опасно. Знаете, какая мне сейчас мысль в голову пришла? Я подумал, что профессия почтальона у нас в Российской глубинке всегда связана с большим риском, наравне с профессией бизнесмена или банкира. И сумма, что носят эти девочки вот в этой сумке, ничтожно мала – от 5 до 15 тысяч. Но все это не объяснить преступникам. Всем этим Сидоровым, Ивановым, Петровым, которых сегодня нынешняя жизнь выкинула на обочину. А значит, предел их мечтания – бутылка водки или телевизор, что стоит у соседа на кухне. Что означает одно: сосед живет лучше и, значит, соседа нужно уничтожить, чтобы добыть этот самый пресловутый телевизор. А где найти деньги на этот вожделенный Рай? Вот таким простым способом. – Он указал на подпол. – Любое преступление объясняется просто, всего двумя словами. Все можно! Потому и убивают у нас в большинстве случаев не раздумывая, за копейку, залив мозги водкой. Вот такая обывательская выходит философия. А вы со мною не согласны?

Куракин молча развел руками. Против таких веских доводов нечего было сказать. Он свое дело сделал. Алкаша Федотова он давно держал на «жучке». Застукал на месте, когда тот стащил из сельмага ящик с водкой. Но ходу делу не дал. А напряг его для внештатной помощи. Приставил его к почтальонше Гале не для охраны (какой из тощего алкаша телохранитель), а так для пригляду, на всякий случай. Все таки носить в сумке аж по пятнадцать тысяч не хухры-мухры.

30 июля 2000 года

Тихий омут[7]
(детективный рассказ)

Сергей Распопов
Игорь Фатхуллин

1

Егор Петрович Куракин спешил домой. Он шел по селу Забродному торопливой походкой делового человека, хорошо знающего, чего он хочет от жизни в данную минуту. В этот самый миг он мечтал о тарелке горячего борща с салом под рюмочку русской водки, которую он употреблял всегда, когда появлялась возможность. Слава Богу, что такая возможность в последнее время представлялась почти постоянно. Только его верная Клавдия Михайловна, с которой он нажил троих ребят и прожил бок о бок 36 не очень долгих, как ему теперь казалось, лет, знала, что он, участковый Куракин в молодые годы сильно поддавал и был, может быть, по этой причине очень охочим до баб. Из – за этого два раза уходил из семьи к полюбовницам на долгое время.

Одна его бывшая привязанность – Нюшка Шерстнева, сейчас жила обособленно на краю соседнего села Озерецкое в собственном кирпичном доме. Совершенно одна после смерти мужа.

Кстати, в то время, когда он завел с ней известные на всю округу отношения, Нюшка уже восемь лет была вдовой. Муж ее Петр в 35 – летнем возрасте попал в пьяном виде под комбайн. В тот злополучный день взбрело ему в голову завалиться на овсяном поле и заснуть мертвым сном. Иначе не скажешь. Нашел тоже место в уборочную страду…

…Обнаружили его разделанным пополам, ноги в одной стороне, туловище – в другой. Комбайнер Мишка Косолапов клялся, что не заметил Петра. Суд ему поверил и дело обернулось для Мишки совсем пустячным наказанием. Двумя годами условно. Разве, что тогда его сняли с комбайна и поставили возить воду.

Мишку серьезно судить за это никто и не думал. И у Нюрки за смерть мужа к нему никаких претензий. По крайней мере, навсегда освободилась от дурака, а нормального мужика в дом приняла. Это значит, его, Егора Куракина.

А что? Он в этом совхозе «Озерецком», включающем три села: Озерецкое, где жила Нюшка; Забродное, где жил он; и Выселки, не последний человек. На 4200 душ единственный участковый и, причем, толковый. За 30 лет, что здесь прожил, смог заработать авторитет. Сумел за эти годы кое – чего добиться. Сержантские нашивки на плечах, с которыми тут начинал работать, давно сменил на капитанские погоны.

Когда-то давно, он делил маленькую комнатенку в сельсовете с землемером. А теперь, вот уже одиннадцатый год занимает отдельный кабинет.

Покойный директор совхоза Горышин выбил ему однокомнатную квартиру в двухэтажном доме. Это в 71 – м году, когда сюда попросился. У него и вещей, раз и обчелся. Чемодан тряпок, баба и двухлетний пацан. Девки – уже тут народились. Сын стал сейчас большой шишкой в совхозе – директором местной школы – десятилетки, и дочки замужем, обе живут в Москве. Внуки от всех народились, как наедут, тянут деда за седые усы.

---

[7] Рассказ впервые был опубликован в областной информационной газете «Ваш Шанс». Главный редактор издания Золотоверхова Елена Николаевна.

Поэтому Егор Петрович и ушел от Нюшки назад в семью. Стыдно стало перед внучатами. Да и сын все ж до директора школы поднялся, нельзя его позорить. А с Нюшкой детей он так и не нажил. Бесплодная она, пустоцвет.

Радовался тогда Куракин, что вовремя в семью вернулся. Сосед Фомич бросил жену с детьми, ушел к другой. А как под себя гадить начал, стал просить детей забрать его назад. Да только те не взяли… После него второй жене гараж со старой машиной достались.

Есть разного рода людишки, всякого цвета дерьмо. Не каждая свинья Куракина здесь привечает. Есть те, что за глаза ему лютую смерть сулят. Так тому и быть…

Егор Куракин не калач и не яблоко, чтобы всякому быть по вкусу. И вообще, не мужицкое это дело подстилаться под каждое «здрасте». Такая жизнь для бабы, может быть, и сносна, а для человека с горячим сердцем и холодным умом не годится. Неприемлема.

2

«Однако, – подумал Куракин, – мороз нешуточный. 15 градусов есть. Уходя на обед, я забыл поглядеть на термометр». При этой мысли он плотнее закутался в шинель и натянул шапку – ушанку на самые уши. Того и гляди – нос отморозишь или что посерьезнее. На дворе марток – одевай сорок порток!

Ледниковый период, овладел всей территорией России, крепко и надолго. Мартовская симфония любви заглохла сразу после стремительной и обнадеживающей прелюдии. Холода настигли похотливых котов в самый разгар любовных страстей. Погода обмишурила несчастных животных. Котам теперь крепко приходилось подумать, прежде чем отправиться на ночное свидание. Можно запросто примерзнуть к предмету обожания.

На автобусной остановке Куракин встретил спившегося, но гордого бомжа, который пританцовывал от холода и пел: «Ой, мороз, мороз!» Задушевная песня богато сдабривалась удачно вставленными в мелодию нецензурными выражениями.

– Я иду обедать, – сказал Куракин бомжу, – сейчас пять минут второго. – Он постучал пальцем по корпусу часов. – Я понимаю, мороз, зима. Поэтому на твою песню и закрываю глаза. Но через час, когда я буду возвращаться обратно, чтобы тебя тут и в помине не было. Чтоб ты испарился отсюда к двум часам. Понял меня?

– Не волнуйся, начальник, я тебя понял, мне переводчик не нужен. – И тут же попросил, заискивающе глядя в глаза, – может, дашь на 50 грамм? Холод жуть!

Но как было ему отказать.

Участковый достал кошелек и положил ему в грязную ладонь 5 рублей. Впрочем, он был уверен в обратном. Что и час спустя бомж будет на этом месте его дожидаться. Ему нужен ночлег. В «обезьяннике» все же лучше, чем на улице.

Но этот бомж оказался честным. То есть, сдержал слово. Удивительно, но даже бомжи в наше время имеют понятие о чести. Хотя далеко не все они такие послушные.

3

– Что случилось? – спросил участковый жену, которая встретила его в дверях квартиры. – Почему на тебе лица нет?

– Беда, – только и сумела прошептать женщина.

– Что за беда? – испуганно отшатнулся Егор Петрович. – С девчонками что-нибудь? Плохие вести из Москвы? Что? Дом взорвали? Где? На Садовом Кольце или в Черемушках? Где дочки живут? Или с сыном что приключилось?

– Нет, с детьми, все нормально. Успокойся. Есть новость, и для тебя, Жора, очень неприятная.

– Говори яснее. Не тяни за душу.

– Не знаю с чего и начать. Звонил твой помощник, Сашка Кирсанов. Он тебя разыскивал.

– Мы с ним 20 минут как расстались. Он тоже собирался домой… Так что произошло? Что за спешка? Даже и поесть нельзя?

– Нюшку твою убили! Поленом по голове кто-то ее стукнул. Она уже не первый день лежит холодная. По, меньшей мере, три дня.

– А ты откуда знаешь?

– Сарафанное радио известило. Дух в доме очень тяжелый. Труп ее уже разлагаться начал. Варька Кудехина заприметила, у Нюшки в доме два дня дым из трубы не идет. Думала, та в городе торгашит. А тут, на тебе. Нюшка долго жить приказала.

– Вот это новость! – вздохнул Куракин.

– Я как раз вышла во двор белье повесить, а бабы, возле нашего подъезда толкутся во главе со старой сплетницей, Лукерьей.

«Твой-то, дома?» – спрашивают.

– А должон сейчас подойти, с минуты на минуту.

«Несчатье в поселке, – запричитала Лукерья, размахивая руками. – Но для тебя, Клавушка, эта новость как мед на душу».

– Что ты, – говорю, – Лукьяновна? Из ума на старости выжила?»

А она: «Я-то, в своем полном уме. А новость моя тебя касается, Михайловна. Твоего врага, Нюшку Шерстневу, пришили поленом в ее собственной норе».

– Что, так и сказала «твоего врага?» – растерянно переспросил Куракин.

– Я тебе передаю точные ее слова. Я Нюшку не жалею, – сказала Клавдия, заметив смущение мужа, – но и смерти такой страшной ей не желала. Клянусь, Иисусом… Никому, врагу смерти такой не пожелаю.

– Ты что оправдываешься? Я тебе, и так верю, Клава, – сказал капитан, опустившись на табурет.

– Это мне перед тобой оправдываться надо. За все горькие минуты, что я тебе доставил.

– Таить камень в душе 15 лет, это надо быть железной бабой. С каменным сердцем, пожалуй. Я не из стали слеплена. Что было, то прошло. Быльем поросло. Я на всем этом крест поставила, – заметила женщина.

– Есть-то будешь? – через минуту, – поинтересовалась жена. – Щи горячие стоят на плите. И водочка для тебя приготовлена.

– Но, если по – быстрому, наливай, – сказал Егор Петрович. – А я позвоню Сашке, узнаю подробности дела. Я, вероятно, вернусь сегодня поздно. Мне сухой ужин сваргань на скорую руку. Бутерброды с колбасой или сыром. Я заберу с собой.

– Поедешь на машине?

– Да.

– Может, без рюмки обойдешься? – осторожно спросила жена.

– Эх, старая, – буркнул Куракин, откупоривая бутылку. – Как-нибудь без твоих советов обойдемся… – Так выйдет быстрее, – замахал дед рукой. – Надо осмотреть место происшествия, всюду поспеть… Сколько всякого сброда по селу шляется. Видела? А – а… А я знаю.

Он подошел к телефону.

– Алло, Саша, это я. Что там у тебя приключилось?

– Да, – сказал он через минуту, – об убийстве Шерстневой я знаю. Жена рассказала. Иголку в стоге сена не утаишь. Сельский телеграф оперативно сработал. Что? Обыкновенная бытовуха? Ты уверен? Жена узнала об убийстве всего полчаса назад. Мм.. Если дать тебе волю, то дров наломаешь. Пусть лучше следователь из управы в этом деле разбирается… Я сейчас

приеду. Или вот что… Встретимся у дома Шерстневой. Иди сейчас туда и, никого из посторонних в дом не пускай. Чтобы следов, если они есть, не затоптали. Все. Я кладу трубку.

«На первый взгляд, – думал про себя Куракин, наливая вторую чарку, происшествие выглядит как тривиальное дело. Скорее всего, убийство произошло на почве ограбления. Надо во всем этом разобраться. Версии могут быть совершенно разные. Ах, Нюшка, Нюшка, – покачал Куракин головой. – Как же это могло с тобой случиться? Как же ты не убереглась?».

– Я поеду, Клава, – едва поднеся ложку со щами ко рту, сказал он жене. – Время не ждет.

4

По дороге к месту происшествия, капитан милиции Куракин вспоминал Нюшку. На душе было жутко тоскливо, мощной лавиной обрушились на сердце мужика приливы скорби и негодования.

Ушел Куракин от Анны внезапно, без шума, без драки. Просто тихо сказал: «Я ухожу. Насовсем. Мне перед внуками стыдно. Так надо». И все. Взял чемодан и, прощай, любовь.

Нюшка ему разрыв не простила. Ославила на всю окрестность. «Пьяница. По две бутылки на дню выжирает, лыка не вяжет. На карачках к вечеру в дом ползет!» – потеряв последнего в жизни мужика, в ярости кричала она на всю улицу…

После такого шума капитана Куракина чуть не пнули под зад из органов. Помогла многолетняя безупречная служба в милиции.

Вспоминая эти бурные события, Егор Петрович, никак не мог успокоиться. Сейчас нужна была срочная разрядка, иначе каюк: инфаркт либо инсульт. Проезжая мимо пятачка с маленькими магазинчиками, он не выдержал, притормозил и зашел в стеклянный павильон.

В узком пространстве между ящиками с напитками жались друг к другу несколько покупателей, ожидавших, когда их обслужит медлительная толстая продавщица.

– Валя: мне одну «Салют, златоглавая!» Я тороплюсь. Деньги завезу потом.

Толстая Валя зашевелилась быстрее… Водку Куракину она подала прямо в руки. Он быстро схватил бутылку за горлышко и вышел.

– Всегда так, потом, да потом, – приглушенно произнесла она, – водку берет, а денег не заносит. И ничего не сделаешь. Участковый.

Выйдя из павильона, капитан чуть не столкнулся с круглолицым наголо обритым парнем. Глаза того хищно осматривали три небольших магазинчика, как бы взвешивая, чем здесь можно поживиться… в навороченной «девятке» с литыми блестящими дисками сидели еще четверо таких же лбов, оглушаемых громкими ритмами магнитолы.

– Слушай, ты мне тачку продать не хочешь? – подмигнув быку, спросил участковый.

Тот сделал вид, что не расслышал слов. Закрутил головой, попытался войти в павильон.

Капитан остановил настойчивого крепыша, сурово глядя в его глаза.

– Вижу, что и в самом деле сейчас продашь, если не смоешься отсюда.

Куракин был прав. Предупреждение подействовало. И через две минуты «девятка» скрылась из поселка.

– Что тут у вас? – спросил Куракин, вылезая из красной «Оки».

– Все уже тут, Егор Петрович, – мрачно ответил ему Кирсанов. Только вас ждем, – он указал рукой на криминалистическую лабораторию и на стоящего несколько в стороне старшего следователя Ловчинова. Старого знакомого Куракина по предыдущим «мокрым делам».

– Где вы там задержались, Куракин? – спросил следователь. – Мы уже собирались сами труп осмотреть, да ваш сержант убедил меня вас дождаться.

– Извините, господа! – развел руками капитан. – У меня по дороге спустило колесо, – соврал Куракин, становясь против ветра и сдерживая дыхание, чтобы следователь и другие не учуяли запах спиртного. (полбутылки он уговорил на пустыре за фермой, расстроенный происшествием. Из – за чего задержался на полчаса). – Где тонко, там и рвется. Пришлось срочно менять баллон. Как не спешил, а время потерял. Вот оказия!

– Пешком вышло бы быстрее, – сказал Ловчинов. – Сержант уверял меня, вы живете всего в двадцати минутах ходьбы отсюда.

– Да, совершенно верно. В соседнем селе. За 30 лет в первый раз, поверьте, опаздываю.

– Не будем заострять на этом внимание, – добродушно улыбнулся следователь, – приступим к осмотру дома. Вы эту Шерстневу хорошо знали, Егор Петрович? Что можете сказать?

– Скорее всего убийство Анны произошло на почве ограбления. У нее было, чем поживиться. Она торговала в райцентре тряпками и сигаретами, и имела куш каждый день. Одевалась модно. Не то что все прочие бабки. Носила широкополую шляпу, цветной платок на шее и кожаную куртку, как сорокалетняя представительная дама. Жила одна обособленно от всех. Дом ее, как видите, у самого леса стоит. Чуть дальше – автобусная остановка. У себя в селе на остановке я сегодня шуганул неизвестного бомжа. И в села, уже, забрались подлецы. Еще вам важно знать, – добавил Куракин, – тут рядом находится психбольница.

– Интересно, – сказал Ловчинов. – Нужно съездить в больницу. Может, это дело рук какого-нибудь сбежавшего душевнобольного? Как одна из версий принимается. Что же представляла из себя убитая?

– Пенсионерка 58 лет. До выхода на пенсию работала продавщицей в отделе овощей в поселковом сельмаге. – После этих слов участковый запнулся.

– Что же вы замолчали? Продолжайте, – повернулся к Куракину следователь.

… – Я должен признаться, лучше если вы об этом узнаете от меня. Шерстнева – мне не чужой человек. Я с ней прожил около десяти лет. Правда, это было давно.

– Та-ак. Это уже кое-что. Спасибо, за искренность, – улыбнулся следователь. – Я считаю, Егор Петрович, что ваша давняя близкая связь с Шерстневой к сегодняшнему убийству никакого отношения не имеет.

– Никоим образом. Я просто решил, что в раскрытии этого дела я кровно заинтересован и буду стараться изо всех сил изобличить убийцу.

– Да, я вас понимаю. Что можете еще добавить к характеру потерпевшей?

– Детей у нее не было. Никогда. Есть брат. Инвалид второй группы. Он живет в городе. Старше ее лет на 12. Ему уже исполнилось 70. Она к нему часто ездила, навещала, ухаживала. В квартире убраться, постирать. Жена брата умерла прошлой зимой. А он пьет. И без женских рук совсем может пропасть… О нем у нас тут многие знают. Поэтому и не сразу ее хватились, думали, к нему уехала. Она бывало неделю у него жила, а то и больше.

– Ясно. Больше вам нечего добавить?

– Я считаю так, убийцей Нюры, простите, потерпевшей Шерстневой, мог оказаться любой житель совхоза.

– Хорошо. Мы все, рассказанное вами, примем к сведению, – сухо заметил следователь. – А пока нужно сделать вот что: разыскать того бомжа, что вам попался возле остановки. Еще необходимо проверить причастность брата Шерстневой к этому делу.

– Это можно сделать. Только эта версия ошибочна, – поправил следователя Куракин. – Мишка, брат Шерстневой, ни причем. Он передвигается на костылях. Ему трудно ходить даже по квартире. Что он убийца, маловероятно.

5

Днем позже дверь в комнату, где с четырех часов пополудни горела настольная лампа и сидели за чашкой кофе участковый Куракин и его помощник широко распахнулась и в нее влетел крайне раздраженный следователь Ловчинов.

Он поставил свой кейс на стол, раскрыл его и стал рыться в бумагах, показывая этим, что он не намерен втягиваться в разговор, который между собой вели хозяин кабинета и его помощник, то есть искусственно разрушать атмосферу добродушия и доброжелательности, которая тут царила и иллюстрировала характер этой маленькой машины сыска. В которой все было отлажено до последней шестеренки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.